

Отзыв на книгу К. Дымова «Капитализм — система без будущего»
кандидата экономических наук, доцента В. Тушканчикова

Часть 1

Анализ современного капитализма автор начинает с разьяснения **диалектики производительных сил и производственных отношений**. Считаю это верным, так как о «грехах» капитализма как совокупности определённых отношений имеет смысл говорить с точки зрения *несоответствия* этих отношений развивающимся производительным силам. Анализируется понятие *экономических* производственных отношений, их отличие от материально-технических. Разьясняется отличие понятия «собственность» в марксистском, более широком понимании, чем в буржуазной науке, воспринимающей капиталистический способ производства как естественный, вечный и неизменный. Как человек, знакомый с проблемой взаимоотношения частного и общественного, позволю себе предложить автору немного более конкретизировать понятие «собственность», расписав её как сумму обязанностей, привилегий и взаимностей, которые привязывают собственников к объекту и друг к другу, в процессе пользования, распоряжения, и т.д. В частности, в рамках данной книги, при последующем рассмотрении понятия «информационный капитал» [см., напр., Стр. 14 данного опуса], необходимо будет анализировать именно такую составляющую отношений по поводу информации, которая соответствует именно понятию *частная собственность*.

Автор анализирует **процесс смены производственных отношений**, указывая на эту смену как необходимость с точки зрения *развития производительных сил*, а также *личностного развития*. Автор указывает, далее, что смена производственных отношений встречает *ожесточённое сопротивление* со стороны *реакционных господствующих классов*. Предлагаю добавить, что сопротивление ведётся вплоть до *сознательного торможения* развития производительных сил и поощрения личностной деградации, что в особенности характерно для современной стадии загнивания капитализма. Далее, автор совершенно верно подмечает, что процесс

социализации сопровождается «временными отступлениями назад и возвращениями старых порядков», которые не должны вводить в заблуждение: «борьба за утверждение новых производственных отношений, невзирая на преходящие неудачи и поражения, всегда заканчивается окончательной и бесповоротной победой».

Здесь, как и в дальнейшем, отмечаю, у автора налицо грамотность научного анализа, превосходное владение методологией марксизма, исторического материализма. Удачное вступление создаёт у читателя ясную картину того, что ему предстоит усвоить из основного материала.

Автор, далее, переходит к анализу **существующих производительных сил**, что совершенно логично. Проводится подробный, познавательный экскурс в историю, от первобытного строя (основанного на присвоении, для удовлетворения самых насущных потребностей, продуктов природы при помощи примитивных орудий труда) вплоть до монополистического капитализма (основанного на крупном машинном производстве). И создания, в его рамках – машинного производства в его высшей форме (автоматизированное производство) с информационным производством (в том числе наукой как непосредственной производительной силой общества) во главе. Это не простой пересказ истории, а анализ *прогрессивности* способов производства и истории борьбы этих способов; показывается, что для *полной и окончательной*, а не временной, победы данный способ производства должен обрести «*подлинно свою*» материально-техническую базу. Таким образом, надо понимать, что автор подводит читателя к вопросу: при каких условиях возможна полная и безоговорочная победа коммунистического способа производства?

Автор, далее, подробно исследует **информацию как средство производства**. Информация рассматривается как совокупность неких образов производственной действительности, которые можно хранить и перемещать. Информация – исходный фактор производства, наравне с трудом и веществом; труд по её производству – *производительный* труд, если его результаты, пусть опосредованно, используются для создания материальных благ. Процесс производства анализируется автором в

трёх стадиях: познание, информационное производство, непосредственно вещное производство. Проводится анализ орудий труда и предмета труда на каждой стадии.

Автор анализирует процесс **эволюции познания** от примитивной практики к науке; указывает на то, что наука сначала не была производительной сферой; что разделение труда на умственный и физический не означало ещё, до появления машинного производства, разделения *производительного* труда на информационное и вещное производство. Отделение науки и изобретательства в отдельную сферу спровоцировало научно-техническую революцию, с обратным эффектом и на собственно машинное производство: оно *ускорилось* (не считая последних десятилетий) и *интенсифицировалось*, в то время как раньше наблюдался в основном экстенсивный рост. Для поддержания темпов прогресса требуется, чтобы всё *большая доля общественного труда* задействовалась в информационном производстве¹. Повышается, таким образом, и *доля стоимости информации* в общей стоимости средств производства. Исчерпание естественных ресурсов Земли только подхлестнёт этот процесс.

Процесс информатизации – указывает автор – тесно связан с процессом **автоматизации**. Современное производство – это автоматические системы машин (заводы-автоматы), промышленные роботы (антропоморфные автоматы); это – *машино-управляющая информация*. Автор указывает на важное отличие современного производства от простого машинного – им управляет не живой, а *прошлый*, удалённый от непосредственного производства *умственный труд*. Причём масса этого труда возрастает *быстрее*, чем масса живого труда по контролю над производством. Так автор вплотную подбирается к концепции «информационного капитала».

В качестве важного следствия такого преобразования общества, автор указывает конец противостояния рабочих и технической интеллигенции – наиболее ярко проявившегося, добавлю я, в России сразу после Октябрьской революции. Интеллигенция же окончательно распадается на пролетариат и буржуазно-мелкобуржуазные слои. Наконец, автор указывает на *компьютеры и компьютерные*

¹ Уже сейчас в наиболее развитых странах – указывает автор – доля учёных и ИТР составляет до 25% рабочей силы; а в новейших отраслях – до 50%.

сети как на фактор, в значительной степени уменьшающий *рутинную, нетворческую* умственную работу. Следствия этого – ещё большее самоускорение НТР, ещё больше уменьшает долю труда по контролю над производством, *фактическое обобществление знаний* за счёт увеличения скорости передачи информации и доступа к ней, ещё большие требования к *личностному развитию*.

Далее, автор переходит к анализу современных средств производства **массовой информации**. Полностью согласен с автором, что воспроизводство способности современного человека к труду, к производству немислимо без поступления информационных благ из общественных фондов, без социализации в обществе. Таким образом, «производительным» становится не только потребление производственной информации, но и *лично-потребительной* информации; а также, добавлю я, потребление *материальных благ, связанных с социализацией*. А такое потребление, в свою очередь – замечает автор – невозможно без удовлетворения элементарных потребностей в еде, жилище, одежде, и т.п. Таким образом, автор затрагивает крайне болезную тему *общественного потребления*, надругаясь над которым, нувориши сами себя ставят в крайне тяжелое положение.

Автор напоминает о различии между **производительным и непроизводительным трудом** применительно к социализму. Крайне сложная тема, сам ей занимаюсь. Автор совершенно правильно замечает, что труд в сфере *распределения*, а также в *институтах классового общества* (таких, как, например, социалистическое государство) является *непроизводительным* и должен отмирать по мере развития социализма. Автор также совершенно верно замечает, что такие отрасли, как наука и образование, которые трудно назвать *непроизводительными*, вряд ли можно считать и *производительными*, так как они влияют на материальное производство *опосредованно*. Автор ошибается, относя труд музыканта к производительному на том основании, что его труд запечатлён в предмете так же, как и труд рабочего на заводе дисков. Любой труд, воздействующий *на человека* (например, труд скульптора), нельзя отнести к производственной сфере, вне зависимости от того, воздействует ли он на него *непосредственно*, или опосредованно, через *материальный объект*. Также не согласен с автором, когда он

называет любой труд, производящий при социализме *потребительную стоимость*, «по большому счёту производительным». Автор забывает, что производительный труд должен приносить не просто стоимость, но *прибавочную* стоимость. Глубоко сомневаюсь что труд, например, учителя фортепьяно производит прибавочную стоимость. Тем не менее, автор глубоко прав, ставя производство лично-потребительной информации, по его влиянию на материальное производство, *наравне с образованием и здравоохранением*.

Далее, автор совершенно верно называет «бессмысленным» выдуманный буржуастами термин «**постиндустриальное общество**». Машинное производство не отменено, просто труд по управлению им значительно удалён в пространстве и во времени; возрастает объём *производительных*² услуг, т.е. услуг, направленных своим воздействием на *вещество природы*. Тут автор опять допускает ошибку, относя *любой* труд на транспорте, в связи, в гостиничном деле (!) и т.д. к подобного рода услугам. Но любой труд, направленный на тот же самый транспорт как *систему*, как некую разветвлённую в пространстве-времени *машину-механизм*, в «жилах» которой течёт информация, конечно, будет производительным.

В смысле **утверждения информационного способа** производства, автор выделяет следующие важные ступени: появление ПК, обусловившее *массовое* производство ЭВМ; появление графического интерфейса, обусловившее их *всеобщее* потребление; создание *скоростных сетей* и потребность в *сетевых компьютерах (СК)*. Автору следовало бы заметить: капитализм сознательно тормозит развитие СК, так как они представляют собой более *обобществлённое* потребление, соответствующее большей *потребительной* стоимости, но меньшей *стоимости*; а капитализму надо реализовать больше *стоимостей*. ПК, который денежные мешки любят ставить себе чуть не в главную заслугу современности, есть шаг назад, есть *перепроизводство средств потребления*, есть *неэффективность в угоду наживе*.

Далее автор совершенно верно указывает на развитие *информационно-машинного производства* как дальнейшее реальное **обобществление производства**

² В смысле социализма. Если речь идёт о чистом капитализме, то *любой приносящий стоимость* труд, если он наёмный (т.е. обменивается на *капитал*, а не на доход), следует считать *производительным*.

– обостряющее *основное противоречие капитализма*, между общественным характером производства, и частным характером присвоения. Противоречие, уже достаточно сильно проявившее себя в эпоху *простого машинного производства* в разрушительнейших *кризисах*, вылившихся в *крах* капитализма на 1/3 суши. Теперь оно проявится в *ещё более разрушительных кризисах* и *неизбежном, окончательном* крахе всей капиталистической системы. Усложняется экономика, усложняется ход воспроизводства, усложняется прогнозирование; излишние производственные мощности, в условиях *научно-инновационного* производства, гораздо легче, в условиях непрекращающейся броуновской погони за «бабками», наплодить; растут риски и неизбежные диспропорции, накапливающиеся и выливающиеся в кризис перепроизводства – взять хотя бы крах «доткомов» 2000 – 2001 гг.; воистину, два шага назад, после двух шагов вперёд; учитывая, что основная масса населения планеты не то что доступа в Сеть не имеет – находится на грани выживания – всё в полном соответствии с теорией кризисов. Несогласованность деятельности бесчисленных конкурирующих НИОКР ведёт к *бессмысленной растрате* трудовых ресурсов, сравнимой по масштабам лишь с паразитическим потреблением буржуазии. Узкая специализация, удлинение цикла воспроизводства рабочей силы крайне усугубляют социальные последствия кризисов [невольно вспоминаю последние события, связанные с бунтом «белых воротничков» в Прибалтике], а общественные потери, связанные с подготовкой ненужных специалистов, взмывают – тем паче частные потери, если речь идёт о лавочках, удовлетворяющих «спрос» на «престижное» образование за бешеные деньги.

Информация – плод всеобщего труда – присваивается кучкой узурпаторов, которые, мало того, что наживаются на ней, так ещё и *саботируют её распространение, тормозя развитие производительных сил*³. Раздробленность на «приватные» отсеки тормозит и развитие Интернета – который, благодаря капиталистическим маразматикам, превратился скорее в рай для извращенцев, чем в средство для людей, реально нуждающихся в полезной информации.

³ Немудрено, что та же медицина развивается медленнее, чем развиваются болезни.

Проблема «закрывающих» технологий – когда мгновенно устаревают целые отрасли – присуща только капитализму, а не социализму с развитой системой перераспределения выгод и затрат. Чудовищные колебания цен на сырьё, из-за возрастающей изменчивости баланса потребления материалов – тоже чисто капиталистическое, монополистическое явление. Автор верно подмечает **структурный кризис**, связанный с технологической изменчивостью, когда целые регионы превращаются в «ржавые пояса» – знаю об этом не понаслышке, изучая, в своё время, практику привлечения инвестиций – эти пояса существуют во всех странах и представляют собой крайне серьёзную проблему. Мелкие и глубокие структурные кризисы, накладывающиеся в виде *деформаций* на капиталистический цикл [от себя добавлю – ещё и усугубляемые всякими «монетарными политиками»] – неизбежно ведут к «экономическому инфаркту», один из первых же инфарктов станет летальным. А нормы прибыли колеблются так, что финансовый рынок становится чрезвычайно неустойчив [не говоря уже про социальное расслоение]. Никакие «рыночные механизмы» не поспевают за такой динамикой. Выход один – указывает автор – социальная революция и внедрение коллективистских начал, гармонии, бесконфликтности в производстве и распределении. Но мир так заразился хищничеством, индивидуализмом, мелкобуржуазными предрассудками и иллюзиями – как верно подмечает автор! – что «получать по голове» прелестями любимого строя придётся долго и упорно.

Наконец, автор задаётся вопросом: **соответствует ли современное развитие производительных сил уровню коммунизма?** *Коммунизм* предполагает некий уровень *производительности труда*, которая обеспечивает *абсолютно полное* удовлетворение потребностей общества. Согласен с автором, что наиболее эффективный путь поднятия производительности труда – это *опережающий* рост информационного производства, выливающийся в развитие новых технологий (лазерных, био-, нанотехнологий, и т.д.) и увеличение числа машин-автоматов (в том числе роботов, управляемых искусственным интеллектом), в пересчёте на одного работника. Автор отмечает, что *компьютеризация* открывает возможность увеличивать это число вплоть до бесконечности. А поскольку компьютеры и

компьютерные сети открывают неограниченные возможности для роста производительности труда ещё и в сфере *духовного производства*, то компьютер действительно выглядит волшебной палочкой, которая может подвести к заветной цели – созданию материально-технической базы коммунизма. Автор признаёт, что такой базой не могло быть старое машинное производство на основе электрификации, как казалось при Ленине. Может ли стать такой базой современное производство, сказать трудно. Я не был бы столь оптимистичен в этом отношении, как автор. Однако не вызывает сомнений, что современное производство, его возможности в плане производительности труда, являют собой достаточную базу для того, чтобы коммунистическое начало побороло *все элементы старого мира*, все разъедающие новый строй мелкобуржуазно-товарные тенденции. Самое обидное – и на это указывает автор – что СССР, видимо, уже вплотную подходил к такому уровню в конце пятидесятых, когда бюрократическая клика протолкнула реформы, усилившие *товарно-эгоистическое* начало в экономике.

* * *

Автор приступает, далее, к политэкономическому анализу **информации** как товара, торгующегося на рынке, способного удовлетворять потребности и быть объектом частной собственности. Информация, как и любой другой товар, обладает двойственностью, т.е. потребительной стоимостью и стоимостью. Информация – нематериальный продукт, который, хотя и не может удовлетворять общественные потребности без материального носителя, но инвариантна относительно природы этого носителя, и имеет ценность в себе. *Стоимость* информации определяется, как и стоимость других товаров, *трудом* – или величиной общественно необходимых затрат рабочего времени – и составляет, наряду со стоимостью записи, и т.д., определённую часть стоимости конечного продукта – носителя с записанной на нём информацией⁴. Автор указывает на особое свойство информации как товара – крайне низкую величину отношения стоимости *репликации* к стоимости *создания информации* [что делает информацию сродни общественным продуктам, не

⁴ Правда, необходимость в таком продукте исчезает с внедрением распространения информации через глобальные сети.

имеющим *сравнительных издержек потребления*, как, например, шоссейные дороги. Такой продукт не подчиняется классическим законам «экономикса» - по мере наращивания производства товара *средние издержки* на его производство, вместо того чтобы возрасть, только *падают*]. Труд по производству информации имеет, таким образом, ярко выраженный *непосредственно общественный* характер, удовлетворяя потребности *всего общества*, выступающие в целостности, а не как совокупность потребностей отдельных лиц. Однако *реализован* товар может быть только в виде *локализованных копий*. Автор указывает на ещё одну особенность информации: противоречие между *юридической* и *фактической* собственностью. Первая же продажа информации лишает производителя фактической собственности, так как у покупателя оказывается полноценная копия. То есть, защитить собственность при помощи «забора и сторожей» нельзя; патент, авторское право – лишь бумажка. Вся капиталистическая система с её аппаратом государственного принуждения не может справиться с пиратством. Работники тоже не отделены от производственной информации так, как от станков и изделий. В особенности же эта проблема обостряется, если работник и есть реальный создатель этой информации. Автор делает вывод: «частное присвоение информации в полном смысле слова «присвоение» практически невозможно; а частнокапиталистическое присвоение информации, созданной чужим трудом, невозможно вообще». Тем острее здесь выступает *основное противоречие капитализма*. Принципиально *нетоварная природа* информации вступает в конфликт с её *товарной формой*: информация не должна, по всем канонам, быть стоимостью, а должна быть *общественной потребительной стоимостью*.

Указанный феномен – замечает автор – ставит под сомнение вообще **возможность при капитализме производить информацию** как товар, ибо риски *не окупить затраты* крайне велики – сам процесс «реализации стоимости ставит под сомнение реализацию *большой или меньшей части стоимости*» - она будет просто присвоена обществом, ибо процесс копирования фактически уже не может контролироваться товаровладельцем. Информация также *теряет стоимость* в виду её устаревания, утраты *эксклюзивности* (хотя та часть её *потребительной*

стоимости, которая относится к абсолютной истине, *утратиться не может*). Даже необходимый процесс *ознакомления* потенциального потребителя с товаром ведёт к утрате стоимости. Никакие изощрения не помогают. Капитализм «своими грязными лапами» лезет туда, где его деятельность превращается в маразм.

Далее. Продукт «информация», доказывает автор, имеет, вообще говоря, *неограниченную потребительную стоимость*. Капиталист же удовлетворяет потребности общества только *в пределах реализации его товара как меновой стоимости*, а меновая стоимость – *конечна*. Капиталист не заинтересован в максимально возможном удовлетворении потребностей; наоборот, это мешает ему, с точки зрения реализации стоимости! Таким образом, **противоречие между действительным и платёжеспособным спросом** в информационной сфере особенно кричаще.

Ввиду *индивидуальности* информационного товара (фактически – естественно-монополистического характера производства), трудности прогнозирования рынка, его цена – указывает автор – способна значительно *отклоняться от стоимости*. Производители способны *сказочно обогащаться* или *вчистую разоряться*. Правда, они подстраховывают себя, ориентируясь на «минимальное» количество продаж [и это – отмечу я – указывает на саботаж капиталистической системой крупных проектов]. В любом случае, *средняя норма прибыли* в информационной сфере выше – не случайно тамошние капиталисты нынче – самые богатые. Но любая монополия – по всем канонам – вредна для общества. Справиться же с *естественными* монополиями капиталистическими методами нельзя.

Разумеется – верно замечает автор – при **коммунизме** нельзя устранить появление бесполезных, пустых для общества идей. Но это – издержки, которые *неизбежно растут* по мере *развития производительных сил*. При ассоциированном производстве, провалы отдельных НИОКР *не несут опасности структурной дестабилизации*; кроме того, ввиду прозрачности (в отличие от всеобщей коммерческой тайны), минимально *дублирование*, создание одинаковых или *очень схожих* продуктов, один из которых никогда не будет реализован.

Автор, в свете того, как волки-конкуренты при капитализме мешают друг другу вводить новшества, замечает, что *и при социализме* могут быть ретроградно-хозяйственники и разного рода материально заинтересованные лица, которым невыгодно внедрение каких-либо разработок. Однако – и это важное наблюдение автора – при социализме это сопротивление новшествам не есть вопрос *жизни и смерти* частных производителей, не есть вопрос *выталкивания* рабочих с рабочих мест *на обочину жизни*. Поэтому *значительно легче* сгладить общественные потери за счёт общественных выгод.

Капитализм – саботажник распространения информации, саботажник **развития производительных сил**. Бескорыстный обмен идеями и знаниями резко несовместим с системой принуждения к наживе. Отнюдь не случайно замедление в последние десятилетия темпов технического прогресса. Всё больше наживаются на дутых, разрекламированных изобретениях; а изобретения, заложившие основы сегодняшнего производства, были сделаны 50 лет назад. От себя добавлю: при тогдашних темпах развития науки, в особенности же социалистической науки, построенной на принципах бескорыстного наращивания общественных знаний (а процесс социализации затронул тогда реально весь мир), вполне реальной выглядела задача увеличения срока активной человеческой жизни до 200 лет в течение нескольких десятилетий. Как нелепо выглядит такой прогноз на фоне нынешнего полуфеодалного маразма, капитуляции медицинской науки перед вирусными и хроническими заболеваниями, неспособностью разобраться в механизме возникновения большинства заболеваний, от опухолей до выпадения волос.

Автор совершенно верно указывает, как просто при **социализме** (даже не при полном коммунизме) выглядит организация нетоварного производства информации, за счёт *бесплатного* распространения и оплаты труда *из общественных фондов*. Автор замечает, что такие тенденции существуют уже при капитализме – взять тот же Linux, плод коллективного творчества масс; бесплатные программы – freeware; бесплатные Интернет-услуги. Конечно, все они *так или иначе встроены* в капитализм; но факт *отсутствия платы* остаётся фактом.

Кризисы перепроизводства – отмечает автор – *сильнее* в «новой экономике», чем в «старой». Почему? Потому что производителю нового товара *необходимо* (а главное – при современном уровне развития производительных сил, это *легко* сделать) *быстро наводнить рынок*, пока новшество не потеряло свою эксклюзивность. Но так же точно думают и *конкуренты*, у которых *наличие сверхприбылей* создаёт видимость *неограниченности спроса*. А поскольку покупательная способность большей части человечества крайне низка, эта стратегия наталкивается на неожиданный крах. Таким образом, производство в хай-тек *быстрее и дальше* выходит за пределы платёжеспособного спроса.

Наконец, автор переходит к анализу важного понятия, надо понимать, открытого автором – **информационного капитала**. Он напоминает известную марксистскую истину, что *капитал* есть не средства производства, как это пытаются вывернуть буржуасты⁵, а производственное отношение. Отношение между кем и кем? Между *собственниками на условия труда* и лично свободными *пролетариями-несобственниками*. Отношение чего? Отношение *присвоения прибавочной стоимости собственниками*. Отношение, *воспроизводящее само себя*; присвоение как условие для *дальнейшего присвоения*, условие для воспроизводства *собственников условий труда как собственников условий труда, а отлучённых от условий труда – и впредь лишённых этих условий труда*. Я бы сюда добавил ещё одно определение капитала, более приближённое к понятию средств производства: капитал как *стоимость, самовозрастающая посредством эксплуатации наёмного труда*. Какова *физическая* природа этой стоимости – указывает автор, подводя читателя к пониманию информационного капитала – *неважно*; это не обязательно должно быть чем-то *ощутимым* – пора освобождаться от стереотипов старого машинного способа производства. Неощутимая *производственная информация* есть также необходимое условие труда; и *монопольное обладание* ею создаёт общественное отношение под названием «капитал». При этом *титулами* собственности выступают патенты, авторские права, лицензии, и т.п.

⁵ Которым вообще свойственно выворачивать капитализм как простое товарное производство.

Поскольку для вульгарных буржуастов любые средства производства всегда – «капитал», то *любые знания* для теоретиков «постиндустриального общества» есть *информационный «капитал»* – замечает автор. Следовательно, любой пролетарий со *знаниями* – «капиталист». А любой страдалишко мелкобуржуазными предрассудками – добавлю я – купится на эту утку – с удовольствием ощутив себя «капиталистом», словно «миллионером на неделю». И вот таким образом капитализм якобы «преодолевают свои противоречия».

Но, во-первых, указывает автор, *не все знания* могут быть применены в производстве. «Производительные» же знания могут стать капиталом, только попав в *монопольную собственность*, как, например, защищённые патентом данные. *Общедоступная* образовательная информация никогда и ни при каких условиях не может стать капиталом; не может она и *избавить от зависимости*, хотя требует затрат труда на усвоение.

Информационный капитал, как и капитал обычный (автор относит его к *постоянному* капиталу), сначала предстаёт в виде *денег*. Часть денег истрачиваются на покупку информации как *товара*, или покупку *условий* для её производства. Часть авансируется на покупку *рабочей силы*; в процессе производства создаётся *прибавочная стоимость*, которая и присваивается капиталистом. Правда, отмечает автор, информационные товары крайне *эксклюзивны*, ввиду чего капитал имеет не среднюю, а всегда *монопольно высокую* прибыль; возникает *интеллектуальная рента*. Подобно *земельной собственности* на уникальные природные объекты, монополия *перераспределяет* в свою пользу прибавочную стоимость, созданную в других отраслях производства. Поэтому-то и создаётся ощущение у придавленных буржуазными стереотипами «мыслителей», что знания *встали над «капиталом»* (вещными средствами производства), что знания производят «большую стоимость», и т.п. чушь. Но земельная рента – указывает автор – имеет явно паразитический вид, так как взимается с *естественных* объектов. Информационная же рента взимается с *рукотворного* объекта [от себя добавлю – что делает её более похожей на земельную *дифференциальную ренту II*, если бы та присваивалась фермерами-арендаторами] и создаёт *видимость* трудового дохода. Но это, конечно же, не так – любая рента есть

перераспределённый прибавочный труд – выжатый из производительных работников и неоплаченный, пот. Тем более, если интеллектуальный труд и интеллектуальная собственность отделены – знания присваивают и превращают в капитал капиталистические корпорации. Превращённые в капитал, в орудие наживы знания – неважно, продукт ли они собственного, или чужого труда – являются орудием присвоения чужого труда. И даже видимость трудового дохода исчезает, если права интеллектуальной собственности передаются по наследству.

Информация, создаваемая для *собственного потребления*, даёт *больше* ренты, возможность присвоить *больше* прибавочной стоимости, в отличие от *информационного товара*, *быстрее* теряющей свою *эксклюзивность*. Именно поэтому, говорит автор, фирмам *гораздо менее выгодно лицензировать* свою информацию, за исключением изрядно устаревшей, другим фирмам. Так автор (возможно, не догадываясь об этом) вносит новинку в теорию *прямых иностранных инвестиций* – до сих пор считалось, что основной причиной их распространения является *высокая стоимость передачи* определённых видов производственной информации от одной компании к другой.

Присоединение к информационному производству материального требует наличия большого денежного капитала и других условий, которых нет у небольших фирм, изобретателей-одиночек, академических коллективов. А ещё такая информация – добавляет автор – является хорошей мишенью для *промышленного шпионажа*.

Процесс эксплуатации информационным капиталом труда автор описывает примерно так. «Информационно-управленческий капиталист» пользуется тем, что умственный труд на современном этапе значительно обобществлён. Время изобретателей-одиночек прошло. Что-то серьёзное могут сделать только большие коллективы «информариев». А чтобы попасть в такой коллектив, получить «доступ» к соответствующим условиям труда, «информарии» вынуждены наниматься. Средний работник умственного труда не обладает чересчур уникальными знаниями; капиталист вполне может заменить его другим. Конкуренция снижает уровень заработной платы работников умственного труда до уровня, сопоставимого со стоимостью воспроизводства рабочей силы; а прибавочный труд работников

способствует дальнейшему накоплению капиталистом информации и других составляющих своего капитала.

Крупных учёных, инженеров, и т.д. – носителей **лично-производственной информации** – автор подразделяет на три группы. Первая группа – верхушка *буржуазной интеллигенции*. [Я бы от себя добавил – имеющую резко *мелкобуржуазную* природу]. Вторая группа – высокооплачиваемый слой информариата [надо понимать, нечто вроде *рабочей аристократии*]. И, наконец, третья группа [надо понимать, открытая автором] – *буржуазия* особого рода, владельцы *информационного капитала*. Здесь автор смешивает понятие интеллектуальной ренты с понятием *прибыли* на интеллектуальный капитал. Дело в том, что интеллектуальная рента (или *рента талантов*) известна ещё до Маркса и может быть интерпретирована как особая форма *мелкобуржуазных* сверхдоходов. Интеллектуальная рента – это всего лишь нетрудовая *надбавка*, происходящая от монопольной природы производства, и может быть характерна как для буржуазии, так и для мелкой буржуазии. Прибыль же на интеллектуальный капитал есть чисто буржуазное явление, есть результат *эксплуатации наёмного труда*. Автор напоминает, что в этом случае знания (как и любой продукт наёмного труда), будучи отчуждёнными и противостоящими труду в виде капитала, способствуют только *усилению* эксплуатации этого же самого наёмного труда.

Автор, однако, оговаривается, что для значительнейшей части интеллигенции указанное расслоение, разделение на три группы, ещё не сложилось; что имеет место, в большинстве случаев, *тройственность* в природе современной интеллигенции, когда один и тот же человек является, в той или иной степени, представителем всех трёх групп; но, на мой взгляд, указанное расслоение *быстро прогрессирует*, и приведённая классификация *уже* имеет серьёзнейший экономический смысл.

Для того, чтобы определить, **является ли данный человек пролетарием**, автор приводит важный критерий: *воспроизводство* работника как *пролетария* после каждого цикла продажи рабочей силы. Обладатель *уникальных* знаний имеет определённые привилегии на рынке труда, позволяющие ему *выторговать* у

капиталиста часть интеллектуальной ренты. Если к тому же он имеет возможности по части конвертации этого дополнительного дохода в капитал – конечно, было бы грубой ошибкой отождествлять его с обычными работниками умственного труда. Неправоммерно, однако, было бы считать его и «информационным капиталистом». Согласен с автором, что определение классовой принадлежности такого работника крайне сложно и требует дополнительных данных. Но зато однозначно к третьей группе автор относит владельцев так называемого «информационно-управленческого капитала» - *знаний о рынке, вырабатываемых наёмными работниками* в отчётах, досье, и т.д., которые «информационно-управленческий капиталист» *присваивает*. Такие знания тоже становятся «мёртвым трудом, господствующим над живым». Автор считает, что пока каждый трудящийся не станет полноправным участником процесса управления, существует опасность перерождения любого управленца в управленческого капиталиста.

Тут автор опять возвращается к сравнительному анализу «**капитала-функции**» и «**капитала-собственности**», о которых уже упоминалось. Автор указывает, помимо прочего, отделение капитала-функции в *самостоятельную отрасль*, подобно финансовому капиталу – это маркетинговые, аудиторские, консалтинговые, экспедиторские компании. Ещё одним видом *иррационального* (т.е. не соответствующего своему содержанию) капитала автор считает *репрезентативный* капитал – марки, товарные знаки. А одной из главных составляющих *управленческого* капитала автор называет *знание нужных людей, пресловутые связи*. Монопольное владение такого рода «информацией» отлично дополняет знание рынка *управленческого капиталиста*.

Информационный капитал *противоречив* – собственник информации одновременно её собственником и не является. Права собственности – я бы дополнил автора – достаточно *мягки*. Это, между прочим, ведёт к повышенной (хотя и ограниченной) социально-классовой *мобильности* современного общества; что, впрочем, никак не отменяет и не сглаживает деление общества на *антагонистические классы*, хотя и *укрепляет* господство капитала. Однако это же условие ведёт и к крайней *неустойчивости* капитала.

Анализируя **органическое строение** современного капитала, автор подчёркивает важность обучения индивида *знаниям и навыкам*. Они – составляющие содержания сложной рабочей силы – являют собой часть *постоянного* капитала, ибо это – омертвлённый *прошлый* труд, затраченный в процессе *подготовки кадров*; в отличие от *переменного* капитала, соответствующего затратам на возобновление *жизненной энергии* работника. Затраты этой категории постоянного капитала, авансируемые капиталистами (или буржуазным государством) *сопоставимы* с затратами на *оборудование*. Однако часть стоимости воспроизводства рабочей силы несёт сам работник, и капиталисты вынуждены *возмещать* ему эту стоимость как компонент заработной платы. Указанную часть постоянного капитала автор называет *органически соединённой с переменным капиталом* и обозначает как *cv*. Поскольку возмещаемая в зарплате доля *cv* ни в каких *отдельных статьях* не фигурирует, и оплачивается *периодически*, а не сразу, то она *представляется* как элемент *переменного* капитала. А между тем доля *cv* в общей массе капитала *K*, равняющейся $c + cv + v$, может расти при крайне слабом приращении, или даже уменьшении *v*, так как используется рабочая сила в *меньшем количестве*, но более *сложная*. Автор указывает, что *cv* находится у капиталистов как бы в *беспроцентном лизинге*, что также есть элемент *эксплуатации*.

В отношении нормы прибавочной стоимости – или нормы эксплуатации – автор указывает, что **полная степень эксплуатации**, по мере увеличения прошлого труда по обучению, *уменьшается*. Фактически автор имеет в виду, что она уменьшается из-за увеличения массы *необходимого* рабочего времени – стоимости воспроизводства рабочей силы (в которой ко времени *производства* приплюсовывается также и время *обучения*), при неизменной массе *прибавочного* рабочего времени. Следовательно, общая норма эксплуатации растёт не так быстро, как норма эксплуатации *живого* труда, и может даже *падать* – надо понимать, когда рост производительности труда в сфере воспроизводства рабочей силы не в достаточной мере компенсирует рост трудозатрат на обучение.

Увеличение *cv* соответствует увеличению *c*, но из-за стереотипов старого машинного производства оно неправильно трактуется как увеличение *v*. А данное,

преувеличенное v сравнивается с вещественным капиталом c_v – без учёта информационного капитала c_u – и *кажется*, как будто бы органическое строение капитала – соотношение прошлого и живого труда – *падает*, хотя оно *продолжает расти*. Если раньше прошлый труд выражался в c_v , то теперь он выражается в c_v , c_u и cv .

Автор исследует, как изменяется при переходе к информационному способу производства **техническое строение капитала**, т.е. соотношение объективных факторов производства (c_v , c_u) и субъективных факторов (cv , v). Во времена *классического* машинного производства, c_u и cv были незначительными, а соотношение c_v / v росло. На раннем этапе перехода, техническое строение *уменьшалось*, так как рост новой информационной сферы шёл за счёт количества рабочей силы и инвестиций в её качество (а с ростом качества и *необходимый продукт* рабочего *растёт*), а не роста основных фондов; в то время как увеличение числа машин на одного работника упёрлось в психофизиологический барьер, а сами машины и материалы продолжали дешеветь по мере прогресса в технологиях. Что *усиливало* предпосылки для преобладания пресловутого «среднего класса», роста уровня занятости, уменьшения остроты кризисов; учитывая ещё и фактор глобализации, резко увеличивший «предложение» рабочей силы за счёт развивающихся стран, позволивший перевести значительную часть рабочих стран «золотого миллиарда» в сектор услуг и роскоши, отличающийся крайне низкой фондовооружённостью.

Изобретение же ПК (а тем более компьютерных сетей) привело к резкому вытеснению в информационной сфере *живого* сложного труда *аппаратным* и *программным* обеспечением ПК (тем более серверов и супер-ЭВМ), т.е. *прошлым* сложным трудом. *Мёртвый* *опять* *ест* *живого*, но теперь уже на уровне *сложнейшего умственного труда*. Работы по созданию искусственного интеллекта подстегнут этот процесс колоссально, так как мёртвый начнёт есть живого и в сфере *творческого* труда, в сфере *выработки* знаний. *Всё* *дешевеющие* роботы начнёт вытеснять дешёвый труд азиатских рабочих; а *более сложные* роботы – водителей, хирургов, слесарей. Это – *очень* серьёзные последствия для распределения доходов,

занятости, остроты кризисов. Сюжет «Терминатора» – когда машины выходят из-под контроля людей и начинают войну с ними – это сюжет *реального* капитализма, когда *служащие капиталу* машины уничтожают рабочих, лишая их средств к существованию. Разрешится эта проблема только тогда, когда *информация* сбросит с себя товарную оболочку, когда *юридическая* собственность на неё будет приведена в соответствие с *фактической* – общественной.

* * *

В главе «господство монополий» автор опровергает абсурдные заявления буржуазов о том, что якобы «малый и средний бизнес» составляет «основу современной экономики». На самом деле современный капитализм – это **монополистический капитализм**, каким он был во времена Ленина, и с тех пор только ещё более монополизировался. Достаточно заметить, что примерно половину мирового валового продукта контролируют гигантские транснациональные корпорации. По отраслям, автор приводит следующие данные о количестве крупнейших монополий и контролируемом ими объёме рынка: в автомобильной – 15 монополий, 83% рынка; гражданское авиастроение – соответственно 2 и 100%; черная металлургия – 6 и 25%; нефть – 6 и 25% (не считая картеля ОПЕК); газ – один «Газпром» 23%; электроника и химические товары – 80%; фармацевтика – 10 и 35%; производство семян – 10 и 35%; машиностроение – 76%; прохладительные напитки (!) – 4 и 43%; В мировой сырьевой торговле – соответственно 500 и 90%. В отраслях хай-тека и сфере СМИ уровень монополизации *один из самых высоких*. Если считать по отдельным странам, то уровень монополизации будет на порядок больше. Тенденция к укрупнению производства только растёт и резко ускоряется в периоды кризисов. Побеждают монополии именно в *конкурентной* борьбе, потому что крупное производство *эффективнее* (это – согласен с автором – есть аксиома, против которой можно выступать можно только либо по невежеству, либо по политическим соображениям): никакие меры по «защите конкуренции» и «поддержке малого бизнеса» не помогут.

Автор указывает на то, что «средний» бизнес сохранился только в таких **архаичных отраслях**, как сельское хозяйство и лёгкая промышленность; *мелкий* же

сосредоточен: либо в откровенно паразитических отраслях, не производящих вообще никакой стоимости, но благодаря шулерству буржуастов включаемых в подсчёт валового продукта; либо в **непроизводительных услугах**, являющихся прямыми производными от доходов капиталистов и рантие; либо (в течение недолгого времени) в таких *новейших* сферах, которые инертные монополии пока не успевают захватить – что, в принципе, на мой взгляд, составляет одно и то же – «экономические ниши», которые успевает захватывать «малый бизнес», вряд ли совместимы с производством прибавочной стоимости, будь они хоть сто раз инновационными. Этой тенденции соответствует и анализируемая автором *тотальная зависимость* мелкого производства от крупного.

Даже готовность мелкой буржуазии затрачивать *нечеловеческие усилия*, подчас превосходящие усилия наёмных рабочих, ради иллюзорной «независимости», не делает «малый бизнес» более конкурентоспособным; мелкое производство оправдано не *экономическими*, а чисто *социальными* соображениями – мелкая буржуазия (подобно люмпенству) фактически находится *на социалке* у буржуазного государства. В целях смягчения социальной напряженности – грозящей неизбежно вылиться в социалистическую революцию – монополистическая буржуазия стран «золотого миллиарда» отказывается от части прибыли (в том числе за счёт ограбления стран «третьего мира»), вскармливая класс *мелких хозяйчиков*. Которые мечутся между трудом и капиталом и могут, на какой-то стадии, даже способствовать нарастанию социальной революции; но в последний момент, благодаря «обострённому чувству собственника», всегда оказываются **социальной базой для реакции**, для *фашистско-националистических движений*. Одновременно (в том числе и из-за встречного напора со стороны мелкобуржуазных партий) капиталистическое государство пытается, в периоды особой напряженности, разукрупнять или регулировать монополии, ограничивая, таким образом, наиболее опасные *крайности* капитализма. Вся эта политика буржуазного государства *вынуждена*, идёт против естественных, объективных законов развития производительных сил, а следовательно, экономически неэффективна и ведёт к *застою*, когда среднегодовые темпы роста экономики падают ниже 2%, а рост в 4%

считается *достижением* правительства. Выход только один – заменить капиталистические монополии *монополиями общества*, доведя объективный процесс до его логического завершения.

Объективные процессы ассоциирования, согласования производства – указывает автор – *идут уже при капитализме*. Внутри гигантских монополий действует реальная плановая экономика. Образуются консорциумы и т.д. – фактически, плановое производство в специфических рамках. Разумеется, единого координационного центра, центра планирования, возникнуть не может, так как интересы капиталистов противоположны. Любая плановая организация заканчивается расколом и резнёй. Но существует несколько центров – наиболее сильные финансово-промышленные группы, и *крупнейший капиталист* – государство с его *недирективным* планированием экономики, структурной политикой, антикризисным регулированием, госзакупками, и т.д. Сращение государства с частными монополиями и клановость – не какое-то отклонение, как это пытаются выставить перед мелкой буржуазией – а реальные проявления государственно-монополистического капитализма. Правда, распад СССР и усиление транснациональных корпораций по отношению к национальным правительствам – указывает автор – привело к временному ослаблению роли государства. Но такое положение дел всегда ведёт к хаосу и кризисам – а возобновить регулирование, обуздать транснациональные корпорации современные государства вряд ли смогут. Автор делает вывод, что реальной силы, способной противостоять узкоэгоистическим интересам корпораций, в мире нет. Из анализа автора прямо-таки напрашивается прогноз для будущего капитализма, о котором автор умалчивает: это серия катастрофических кризисов, после чего, возможно, из мировой капиталистической системы выпадет очередная система социализма, а оставшиеся осколки будут – очевидно – насильственно централизованы какими-то наднациональными государственно-монополистическими структурами.

Автор, наконец, указывает, что **коммунистическая альтернатива** подразумевает *один* центр планирования, согласования действий производителей (да ещё на длительную перспективу) *в интересах всего общества*; а такая система

должна быть крайне информационноёмкой. Следовательно – делает вывод автор – ещё более возрастают потребности в наращивании информационных средств производства. Повышение уровня насыщения управленческой информацией соответствует снижению энтропии – повышение уровня согласованности, слаженности. Автор отмечает, что проблема «повышения информационноёмкости», по-видимому, уже стояла перед Госпланом СССР в тридцатые-сороковые годы. В шестидесятые же годы, на волне подъёма вычислительной техники, стала разрабатываться небезызвестная программа ОГАС. Остаётся только сожалеть, что партюкраты предпочли ей планирование от достигнутого, «товарно-денежные» реформы и – добавлю я – «размещение производительных сил» посредством торга между местными чинушами и центром. Важно отметить положение автора о необходимости *приоритета координации над субординацией*, который соответствует большей зрелости коммунистической формации; и роль компьютерных сетей в этом. Это – сигнал того, что автор, видимо, глубоко и не понаслышке знаком не только с проблемами капитализма, но и с проблемами *развития социализма*. Я бы ещё добавил сюда роль СМИ по горизонтальной координации и горизонтальному контролю, необходимость перехода, касательно того же телевидения, от потребительского отношения к информации к «производительскому». Конечно – отмечает автор – всё указанное можно было делать и без информационных технологий, ведь советский опыт доказывает это. Я бы добавил, что в западной Европе и во времена Парижской Коммуны производительные силы вполне дозрели до социализма. Однако *в полной мере*, как *подавляющие*, преимущества коммунистической формации могут быть реализованы только при информационном способе производства.

На выдумку буржуастов о *неэффективности коллективной социалистической собственности*, автор отвечает примером современных монополий, находящихся в *коллективной капиталистической собственности* и управляющихся наёмными менеджерами; нет сомнений в том, что они эффективно управляются. При этом капиталист выполняет, в лучшем случае, *функцию контроля* над эффективностью (с точки зрения его, капиталиста, прибыли) работы этих менеджеров, через *собрания*

акционеров. Даже решения о вложении капитала принимаются, исходя не из знаний и опыта собственников, а из информации, предоставляемой *аналитическими структурами*; а контроль ведётся на основе проверок *компаниями-аудиторами*. Система [от себя добавлю – особенно в менее развитых странах] грешит недемократичностью, неравенством в правах крупных и мелких акционеров. Чем же такая система организации собственности эффективнее коллективного контроля трудящихся, *через систему Советов* общесоюзного и местного уровня, над *социалистическими* менеджерами? Никто ведь, на начальном этапе социализма, не отказывается от услуг профессиональных управленцев [от себя добавлю – как и от материального поощрения этих управленцев. В особенности из *общественных фондов*, что освобождает трудящихся от дополнительной нагрузки, а самих менеджеров – от возможности конвертировать «поощрение» в капитал]. Но ведь при капитализме управление – указывает автор – направлено на эксплуатацию трудящихся ради выжимания прибавочной стоимости.

Кроме того, замечает автор, при капитализме управленческая деятельность включает в себя не столько организацию производства менеджерами, сколько **непроизводительную деятельность** по присвоению и перераспределению прибавочной стоимости капиталистами. Перераспределение – это *азартная игра* (подчас без правил), на кону которой стоят ожидаемые доходы от ценных бумаг. *Финансовая олигархия* только и занимается перераспределением в свою пользу прибавочной стоимости, «первично выжатой» из рабочих промышленниками. И даже непроизводительная деятельность в основном ведётся нанятыми «крупье» - всевозможными брокерами, консультантами, и т.д. «Работа» же капиталистов – язвит автор – протекает в основном в «местах приятного времяпрепровождения». Борделях и ночных барах, «вправду достойных их» - целиком солидарен с автором.

Даже если капиталист сам управляет производством – напоминает автор – это не оправдывает его доходов *как капиталиста*, т.е. доходов, величина которых пропорциональна величине его *собственности*, а не его *труда* как управленца. Да, возможно, управление бóльшим объёмом средств производства влечёт больше ответственности у менеджера, но неужели, смеётся автор, олигарх суетится в

тысячу раз больше лавочника? Скорее наоборот. Кроме того, наличие собственности не оправдывает узурпации богачом функции управленца – из него отнюдь не следует наличие соответствующих навыков.

Поскольку капиталисты в своей массе – делает вывод автор – утрачивают все общественно-полезные функции, и становятся *излишним* классом, то они являются *обречённым* классом, и никакие ядерные бомбы не спасут их от судьбы рабовладельцев и феодалов, в своё время деградировавших морально и интеллектуально.

Капиталисты, особенно современные, «обезличенные», бесконечно удалённые от производства капиталисты – пишет автор – не боги. Они, в массе своей, вряд ли образованнее обычных трудящихся. Просто смешно думать, что они способны «инвестировать» на основе расчётов аналитиков и «контролировать» по результатам аудиторских проверок лучше, чем непосредственные творцы, производительные работники, пусть даже и «кухарки». Тем более, что большую часть современного пролетариата составляет «информариат» - «умный пролетариат», у которого владение *общими принципами управления* вытекает из компьютерной грамотности, из производственной деятельности по *преимущественно умственной* работе со сложными машинами⁶, по *оперированию* автоматическим оборудованием. В конце концов, автор делает вывод, что современный производительный работник способен исполнять не только функции контроля, но даже и *управления* – а значит, на нынешнем этапе развития производительных сил, социализм может в значительной степени обходиться уже и без *профессиональных хозяйственников*, за которыми нужен глаз да глаз, которые могут в любой момент выродиться в «новую управленческую буржуазию».

«Конечно», - замечает автор, - «задача создания эффективной системы управления «социалистическим АО» ... чрезвычайно сложна». Позволю себе сказать, что она не сложнее, чем задача управления *капиталистическим АО*. «Негативные последствия чрезмерной централизации управления нам хорошо известны» - отмечает автор. [Но – добавлю от себя – поскольку социализм всегда

⁶ Причём преимущественно творческой умственной работе, так как рутинную во многом берёт на себя компьютер.

побеждает в отсталых странах, в течение какого-то времени он всегда должен грешить «недемократичностью» и «чрезмерностью централизации». Какие-то «акционеры социалистического АО» оказываются и обделёнными в правах; а кто-то, может быть, слегка и «жирует». И тем не менее, социализм всегда демократичнее любого капитализма, в особенности же того «дикого» капитализма, из которого он вылупляется. История первой половины XX века наглядно показывает это].

Затем автор говорит об опасности т.н. «рыночного социализма», который он определяет как систему, характеризующуюся минимумом планирования и предоставлением полной хозяйственной свободы трудовым коллективам. Хотелось бы попросить у автора разъяснения, систему каких именно стран автор имеет в виду. Имеется ли в виду система, характерная для *некоторых стран послевоенной Европы*, основанная на капиталистическом способе производства, но с большой долей государственного сектора, участием представителей профсоюза в управлении, значительными социальными гарантиями, «программированием» экономики, и резко прогрессивной ставкой налогообложения? Или же систему с «мягкой» госсобственностью и мелким частным сектором, как в *некоторых «переходных» экономиках*? Возможно, автор имеет в виду *анархо-синдикализм*, т.к. говорит о «корпоративизме» при отсутствии капиталистов.

В качестве важного фактора, облегчающего механизм социалистического управления при современных производительных силах, автор отмечает Интернет; в качестве важного условия – наличие у трудящихся достаточного *свободного времени* – что, надо понимать, обеспечивается современной производительностью труда.

Далее, автор переходит к злободневному вопросу о *классовой принадлежности капиталистических топ-менеджеров*. Исходя из соотношения заработной платы с прибавочной стоимостью, количеством управленческого труда, ценой рабочей силы, возможностей по части конвертации дохода в капитал, автор делает вывод об их однозначной принадлежности к *классу буржуазии*. Автор указывает на наличие у топ-менеджеров информационного, или управленческого, *капитала* – особой формы капитала, благодаря которой капиталистические управленцы, подобно финансовым

воротилам, присваивают часть прибавочной стоимости. Маркс считал – напоминает автор – что с течением времени *зарплата* управленцев должна *снижаться* по мере *роста предложения образованной рабочей силы*. Но данное условие выполняется – добавлю я – только для *менеджеров среднего звена* – чьи доходы, насколько лично мне известно, действительно *снижаются*. Анализ автором динамики доходов различных прослоек за последние 30-40 лет однозначно наводит на мысль, что *топ-менеджеры* – не «рабочая аристократия», а особая прослойка буржуазии, получающая *прибыль* на информационный капитал, подобно некоторой части государственной бюрократии. Эта прибыль *растёт* постольку, поскольку растёт «фактор знаний» - растёт быстрее даже, чем прибыль их компаний – прибавочная стоимость всё больше переходит от капитала-собственности к *капиталу-функции*. Это, правда, никоим образом не переламывает тенденции к *отделению управления от капитала*, так как и эти капиталисты со временем «отходят от общественно-полезной деятельности, и живут, как обычные рантье». Кроме того, капитал-функция, в силу своей противоречивости, находится в *подчинённом* положении. «Собственник» такого капитала должен *подтверждать* право на присвоение прибавочной стоимости. Он не может *передать* его *по наследству*.

Но поскольку топ-менеджеры, замечает автор, представляют из себя в основном *деятельных* капиталистов, в противовес *бездеятельным капиталистам-собственникам*, то назревает так называемая «*революция менеджеров*» - попытка избавиться от контроля. Отдельными буржуастами-апологетами этот процесс выпячивается как поворот к *управлению в интересах общества*, ибо «капиталисты уже не контролируют экономику». Однако очевидно, что такой революции *не имеет места в наличии*, ибо самостоятельность капитала-функции всё ещё *очень сильно ограничена*. И такая революция принципиально невозможна, доказывает автор, по законам диалектики. А даже если бы она произошла, то она ничего принципиально не меняет, так как капитал-функция всё равно есть *капитал*.

Далее, автор переходит к анализу потребления капиталистов, которое превосходит сумму благ, потребляемых людьми, лишёнными средств производства. Он правильно замечает, что это потребление носит в основном *показной* и

деградационный характер. Он указывает на колоссальную *стоимость* этого потребления, в противовес его *потребительной стоимости*, что представляет собой колоссальное расточительство с точки зрения общества. Автор отмечает, что такое положение дел противоречит даже буржуазной *субъективистской теории полезности*, которая, хотя и не учитывает величину неравенства при подсчёте общественного благосостояния, но указывает на *снижение полезности* дополнительной единицы одного блага, как, например, десятого Мерседеса или сотой норковой шубы. Кроме того, автор замечает важный факт: данного рода маразм распространяется *на всё общество*, в особенности же на мелкую буржуазию; но даже и на наиболее нищие и обездоленные слои общества. Всё общество заражено *культулом вещей*; вещь становится властвующим над человеком субъектом. Отсюда культовые брэнды и т.п.; особое значение приобретает именно *владение стоимостью*, а не *потребительной стоимостью*; и эту стоимость надо *выпячивать напоказ* как *символ того, что ты состоялся в жизни*. А всё дело в том, что по законам капитализма *погоня за роскошью* неотделима от *погони за прибылью*, от безудержного *перепроизводства стоимости* в противовес *потребительной стоимости*, подстёгиваемого *безудержной конкуренцией с себе подобными*. Во многом это обусловлено, по мнению автора, и Кейнсианской политикой преодоления кризисов перепроизводства, которые ведёт буржуазное государство; и политикой рекламного подстёгивания спроса. Я бы добавил – и *монетарной* политикой подстёгивания спроса на средства потребления со стороны мелкой буржуазии, т.н. «среднего класса», путём бесплатной раздачи денег в периоды кризисов.

Такое поведение загнивающей буржуазии становится несовместимым с реальным прогрессом, с накоплением, с ростом производительности труда, с ростом потребления не «ради потребления», а ради удовлетворения потребностей, *потребительной стоимости*. Только устранение товарного производства, переход от производства ради прибыли к производству *ради удовлетворения потребностей*, то есть к социалистическому производству, способно преодолеть вещизм. А сделать

это может только социалистическая революция, которая ликвидирует буржуазию, как класс, заключает автор.

ИТОГИ

В чём главная заслуга первой половины книги Дымова?

За счёт подробного анализа понятий «информация» и «информационный капитал», анализа монополий, и т.д., наглядно разъясняется, как и почему производственные отношения современного общества представляют собой не что иное, как *капитализм*; причём капитализм самый, что ни на есть, дикий, а не какой-то «капитализм с преодолёнными противоречиями», как это хотят представить жрецы либерализма. Более того, это – капитализм, трещащий по швам, гораздо менее прочный, чем когда бы то ни было; вследствие того, что: во-первых, гораздо дальше, чем когда-бы то ни было, зашёл процесс реального обобществления производства в производительном секторе экономики; во-вторых, механизмы реализации прав частной собственности на средства производства слабы, как никогда⁷. Автор формирует у читателя целостное представление о капитализме и социалистической альтернативе.

Открытие автором такого явления, как информационный капитал – это серьёзнейшее разоблачение право-оппортунистической либеральной интеллигенции, олицетворяющей собой невежество, бесчестие и бессовестность нашей эпохи. Открытие ещё более проясняет причину того, почему представители «интеллектуальной элиты» являются такими бесстыжими щенками паразитизма и капитализма.

Кроме того, автор наносит удары по многочисленным буржуазным мифам. Вот только некоторые из них: миф о «ничейности» соцсобственности; миф о «революции менеджеров»; о невозможности, де, распределения по потребностям,

⁷ От себя добавлю: это говорит только о том, что «нождаун», в котором находится мировое левое движение, не имеет под собой материальной почвы, а является чисто организационно-идеологическим, и состоит всего лишь в отсутствии партий, организованных на НЕ оппортунистических принципах; а также отсутствии литературы, предоставляющей лево-ориентированному читателю качественный анализ и качественную информацию.

потому что те «безграничны»; о наступлении «постиндустриальной» эпохи; об имеющей якобы место быть «конкурентной» рыночной экономике, «в основе» которой якобы лежит «малый бизнес»; и многим, многим другим мифам и мифчикам, которыми буржуасты развращают сознание современного человека.

По тексту книги чувствуется, что Дымов – настоящий советский человек, глубоко переживающий судьбу своего народа и то, куда идёт человечество в целом. Книга Дымова – это реальный, а не проплатный, марксизм; реальная общественная наука.

Считаю книгу Дымова качественной, крайне злободневной, необходимой и полезной для современного читателя. Чем скорее книга выйдет в свет, тем быстрее пойдёт процесс осознания читающей общественностью реального положения дел в современной экономике, в современном мире; процесс развеяния мифов и поднятия уровня политэкономической грамотности.

Часть 2

Апрель 2009 г.

Я продолжаю анализ книги К. Дымова «Капитализм – система без будущего», пятая глава которой посвящена международным аспектам нынешней капиталистической системы.

Пятую главу автор начинает с напоминания о том, что вопли о «глобализме» и «мондиализме» совсем отвлекли народы мира от «старой доброй» теории империализма. И заслуга автора, конечно же, в том, что он – сразу и жёстко отделив «глобализационный мусор» от ленинской теории – опять-таки крайне верно нащупывает путь вперёд, очищая подлинную теорию от всего того мха, который на неё нарастила современность; но при этом не впадая в другую крайность, не погрязая в агрессивной-догматической косности.

И ведь действительно, под этот шумок о «глобализации» топится в унитазе настоящая наука; замаскировывается, затушёвывается природа современного капитализма как давно выведенного и досконально разжёванного Лениным банального *империализма* (или *монополистического капитализма*), а никакого не «постиндустриального», «глобализованного», «жидомасонского», «финансово-паразитического» – маскируется при поддержке, конечно же, *национального промышленного капитала* (об этом автор не упоминает, но я скажу), в точной аналогии с тем временем, когда писались «протоколы сионских мудрецов». Что же до упражнений автора в «глобализационном теоретизировании», то я с ним тут не согласен, и вывожу этот вопрос в отдельную главу.

Не только выведенная Лениным 100 лет назад теория империализма *соответствует* положению дел в современном мире, но она соответствует ему даже *в гораздо большей степени*, чем положению дел в том мире, который застал Ленин – что, в общем-то, автор и показал уже в главе о господстве монополий.

Антагонистические, неразрешимые противоречия прошлого только *усилились* – да даже потому, что *более глобальное* производство есть *ещё более общественное* производство; а национально-частнокапиталистическое, с позволения сказать, *присвоение* – есть *ещё-более-частное капиталистическое* присвоение. Усилилась специализация (стр. 461) – значит, *ещё более уязвимыми, зависимыми* стали специализирующиеся; товар – продукт *ещё более совместного* абстрактного труда; а *разница между богатыми и бедными* тоже «усиливается», как усиливается и *грызня между группами монополий* за эту увеличившуюся разницу. Следовательно, *ещё острее* стоит вопрос о *социалистическом обобществлении* конкретных средств производства; обобществлении конкретных орудий труда и конкретных предметов труда; обобществлении не только *всенародном*, но и обобществлении *международном*; использовании этих средств производства в интересах *всех людей* не только одной страны, но и различных стран.

Раз речь идёт об обобществлении – значит, она естественным образом должна идти, соответственно, и об усилении роли планирования, об усилении согласованности, *ассоциативности* производства не только общенародного – но и

производства *международного* (стр. 462). *Опыт* такой деятельности уже заложен в деятельности транснациональных корпораций (стр. 462) и (добавлю от себя) *их взаимодействии с национальными структурами*, что является крайне важным; в особенности же, с национальными структурами *социально-ориентированных государств*. Так же как (добавлю от себя, основываясь на предыдущих мыслях автора) в деятельности групп монополий и капиталистического государства – «многополярной» ассоциативности – заложен опыт национального планирования. Конечно же, всё это настолько разрознено и в такой малой степени «социалистично», что предстоит ещё непочатый край работы.

Фритредерство и сопровождающие его процессы

Автор указывает на фритредерский процесс «растворения национальных рынков» – тенденцию ещё большего *нивелирования* ценовых различий, формирования единых мировых цен (стр. 463), с исчезновением цен внутренних. От себя добавлю – вплоть до *насильственного уравнивания* этих цен, посредством *давления* одних правительств на другие – что представляет собой ещё одну грань процесса реального обобществления производства. Естественно, с присвоением его плодов явно в пользу компрадорской буржуазии, а не тех, кто эти средства производства создавал, или тех, кто с ними работает. Правда, автор недоговаривает, что этот процесс сопровождается другим – *дифференциацией* цен из-за *ценовой дискриминации* монополий, стремящихся выжать из людей *весь их потребительский избыток, всю их готовность платить, всю выгоду от покупки*.

Помимо нивелирования ценовых различий – указывает автор – фритредерство невольно всё более разрушает и различия в *норме прибыли*, которая всё больше тяготеет ко «всемирной норме прибыли» (стр. 476); и различия в самой *стоимости*, ибо общественно-необходимые затраты труда становятся как бы «всемирно-необходимыми» затратами. В значительнейшей степени все эти явления присущи рынку информационных товаров – *наиболее транспортабельных* товаров, вывоз которых стремительно растёт и количественно, и в процентном отношении. Растёт

вывоз, в том числе, *лично-потребительской информации* – включая так называемую «масс культуру» – при усилении соответствующих сопровождающих процессов, будь то хищнической *экономической экспансии* монополий (преимущественно американских и других западных корпораций), ещё теснее (ввиду особенности товара) переплетённой с *культурной экспансией* империалистических держав. К экономическому, военному, политическому доминированию этих монополий приплюсовывается *запредельное информационно-технологическое доминирование*⁸, которому не способны противостоять никакие ограничения. Приобретает огромное значение *вывоз информационного капитала* в виде патентов, лицензий, авторских прав – со всеми особенностями этого вида капитала.

Вывоз информации всё больше заменяет танки и самолёты в качестве средства империалистического угнетения, манипулирования, экспансии. Современный империализм – это в огромной степени *информационный империализм*; хотя, конечно, не надо забывать и про военные базы. Гонящемуся за прибылью фритредерству выгодно насаждение «потребительской одинаковости», «навязывание стандартизированной потребительской культуры». Причём, конечно же – ввиду современных обстоятельств – унификации на основе упадочной культуры современного «убогого западного обывателя, из которой давно вытравлены все те непреходящие ценности, что действительно созданы европейской цивилизацией» (стр. 469).

Ещё одна грань империалистического фритредерства – усиление *мощи банковского капитала*, образовавшего – за счёт присвоения в свою пользу новых технологий – *всемирную банковскую систему*, воистину масонскую ложу, перед которой бессильны не только простые обыватели, но даже Центробанки. Международные же *промышленные монополии*, в свою очередь – получили в своё распоряжение, благодаря этому, такие *технические средства для вывоза капитала*, которые во времена Ленина (определившего «третий признак империализма» как усиление роли вывоза капитала) им и не снились; ибо «любой капиталист из какой

⁸ Вот данные автора: американскими монополиями контролируется около 80% показываемых в мире кинофильмов и телепрограмм; 80% даже в Европе; 99% в самих США; 65% информационных «мощностей» всего мира; 100% доменных имён в Сети, что есть фактически монопольный контроль над Сетью; странами «большой семёрки» - 85,3% Интернет-хостов; 100% поисковых DNS-серверов.

удовно страны может теперь свободно, без всяких помех, обусловленных расстояниями и разными техническими трудностями, купить акции *любой* компании из *любой* страны» (стр. 472), где угодно получить займы, и т.д.

Однако наибольшее значение имеет охватившая менее развитые страны стремительная пролетаризация, *разорение* мелкого и среднего докапиталистического хозяйства, производительного мелкого и среднего бизнеса, которому раньше препятствовала сама природа. *Практически во всём мире* теперь безраздельно властвует *капиталистическо-монопольный способ производства*.

Крушение колониальной системы мира также подорвало имевший место «колониальный протекционизм», то есть, когда колонии торговали только со своими метрополиями, и наоборот. Неоколониальная эксплуатация гораздо меньше замкнута на бывшие метрополии (стр. 481).

Автор также указывает на формирующиеся экономические блоки, всё больше напоминающие страну с единой экономикой. Это ЕС, НАФТА, АСЕАН, МЕРКОСУР. На общемировом уровне «дело продвигается ту же» – признаёт автор. Ввиду, конечно же, колоссальных различий между странами – которые, добавлю я, ведут к гигантским противоречиям, в принципе неразрешимым в рамках капитализма.

Фритредерство усиливает само себя – транснациональный капитал, который оно возвращает, сам становится его главным локомотивом, непримиримым разрушителем запретительных тарифов и нетарифных барьеров; поборником новых свободных экономических зон, зон свободной торговли, новых транспортных коридоров; и попирателем всяческих налогов и госсобственности. Всеми доступными средствами – физическим устранением лидеров, подкупом, психоинформационным зомбажом, грубой военной силой – он отстраняет от власти политические силы, противостоящие беспощадной эксплуатации труда, хищническому разграблению народного достояния, варварскому уничтожению ресурсов и окружающей среды – или «отстаивающие в той или иной мере национальную замкнутость и самостоятельность» (стр. 480).

Фритредерству противостоят – как выражается автор – «пронафталиненные капиталисты XIX века» – национальная буржуазия (преимущественно «старой экономики»), мелкая буржуазия и отчасти крестьянство; «силы прошлого», пытающиеся запрячь в свою телегу и рабочий класс. Однако часто самыми злостными протекционистами становятся... «наиболее фритредерские» страны, прибегающие (под давлением транснациональных же монополий) к тарифам и субсидиям для того, чтобы раздавить конкурентов, в особенности же из слабых стран. Это только свидетельствует о том, что (стр. 484) идеология «свободной торговли» ради «выгоды потребителей» – не более чем очередное капиталистическое лицемерие в квадрате, призванное скрыть экспансию монополий, хищническую погоню за властью и деньгами. Протекционизм, таким образом, парадоксально *переплетён* с фритредерством и даже *усиливает* его, ибо направлен, в конечном итоге, на задушение и подчинение слабых производителей в угоду монополий – как правило, американских и других «западных» монополий.

Международное размещение современных производительных сил

Автор ссылается на модель Рикардо (самую первую тему в учебниках по международной экономике), которая связывает общественно-эффективное размещение производства с относительными трудозатратами на единицу продукции. Но, конечно же, эта модель ничего общего не имеет с реальным положением дел в современной мировой экономике. Ведь капиталист оплачивает не труд, а *рабочую силу*; стоимость же этой рабочей силы, взятая относительно её производительности (а также издержек перемещения товара), и определяет, в основном, международное разделение труда. Стоимость рабочей силы, в свою очередь, сильно зависит от наплыва пролетаризированных масс, разоряемых мелких производителей.

При «старом» колониализме – указывает автор – разорять массово крестьян в колониях было гораздо сложнее, ввиду *дороговизны перевозок* и *не слишком большой производительности* сельского хозяйства в самих метрополиях; да и стоимость рабочей силы в метрополиях не была такой высокой, как сейчас. Это

приводило к тому, что *разница* в стоимости рабочей силы была недостаточно большой, чтобы компенсировать значительные географические препятствия; да и самой этой рабочей силы явно не хватало – а ведь её ещё нужно кому-то учить, ибо даже самое примитивное машинное производство требует минимального уровня образованности. Следовательно – указывает автор – «в колониях и полуколониях развивалась только добывающая промышленность» (стр. 488) да перерабатывающая промышленность, связанная с местными источниками минерального и сельскохозяйственного сырья; подавляющая же часть населения прозябала в архаичном сельском хозяйстве и примитивных услугах для него. И международное разделение труда, в принципе, согласовывалось с законом Рикардо.

Совершенно иное имеет место сейчас. За сто лет производительные силы развились настолько, что неравномерность их стала просто чудовищной – благодаря, опять же, самому империализму с его преступным колониальным прошлым. Стоимость рабочей силы в бывших метрополиях сильно выросла – и не только вследствие рабочего движения, отчасти также связанного с уровнем развития, но хотя бы из-за того, что применение сложнейшей техники невозможно без удовлетворения *культурных запросов рабочих*. Конечно, если производительность труда тоже растёт соразмерно стоимости рабочей силы, не становится выгодней переносить производство. Но если *производительность труда отстаёт* – а к этому приплюсовывается *меньший прожиточный минимум* в более тёплых Латинской Америке и Азии – то в условиях *чрезвычайно развившейся транспортной системы* может возникнуть колоссальный стимул: вместо инвестиций в мудрёную технику в странах с дорогой рабочей силой, инвестировать в более примитивное производство в бывших колониях⁹.

⁹ Вот красноречивые данные автора: «в Бразилии годовая производительность труда в 4,63 раза ниже, чем в США, но средняя заработная плата ниже в 8 раз. В Польше производительность труда в 2,05 раза ниже, чем в Германии, зато средняя заработная плата ниже в 4,84 раза. В Южной Корее производительность труда в 1,27 раза ниже, чем в Японии, но средняя заработная плата ниже в 2,3 раза. В виде заработной платы рабочий получает в Германии 67% созданной его трудом стоимости, в США – 55%; в Бразилии же – 32%, в Польше – 28%, а в России – 16%. Если принять среднюю зарплату рабочего в странах Запада за 100%, то в Мексике она составит 20%, в Гонконге – 13,7%, в Южной Корее – 12,8%, в Бразилии – 9,1%, на Филиппинах – 8%, в Индонезии – 4,3%, в то время как рабочая неделя в этих странах более продолжительна. Так если в США она составляет 35,6 часов в неделю, то в Южной Корее – 55,4 часа в среднем, в Гонконге 56 часов (некоторые категории работников трудятся от 75 до 85 часов в неделю, примерно 10%). Интенсивность труда здесь часто выше, чем в метрополии. Расходы на социальную сферу

Далее. Чрезвычайное развитие транспорта повлекло, между прочим, *беспрецедентный наплыв дешёвых импортных товаров*, в первую очередь продукции резко индустриализовавшегося в метрополиях – если не сказать «постиндустриализовавшегося», да ещё субсидированного – сельского хозяйства, «выгоняя на улицу массу народу» (стр. 491), в трущобы, в городские джунгли. Земли же этого народа, в свою очередь, переходят к экспортно-ориентированным крупным плантаторам. Таким образом, «окончательное «добивание» докапиталистического и раннекапиталистического укладов... создаёт... *переизбыток... рабочей силы*» (стр. 492). К тому же, эта «свежеэкспропрированная» рабсила настолько *забита*, что не отягощает капитал 8-часовым рабочим днём, выходными, отпусками, требованиями к условиям труда, быта, отдыха, экологии, и т.п. «социальными излишествами» – да и масштабы переизбытка таковы, что позволяют – выражусь языком буржуастов – «снимать нагрузку с рынка труда». Добавлю от себя – чего, конечно, не могло иметь места в метрополиях, где в это же самое время имел место обратный процесс – увеличение непроизводительного мещанского сектора, сопровождавшееся побряжками лавочникам (дабы не допустить социалистической революции). Таким образом, сохранившиеся полукolonии – сейчас только малая часть «третьего мира». Остальные же страны переживают *точно такой же* процесс, какой Европа переживала в XVIII-XIX столетиях, только происходящий более «резко и беспощадно» (стр. 493).

Автор указывает на то, какие ещё *значительные резервы* сохраняются «для роста армии промышленного пролетариата»: «в середине 90-х сельскохозяйственное население составляло в Китае 74%, в Индии и Таиланде – 64%, в Индонезии – 57%, на Филиппинах – 45%, в Мексике – 24%» (стр. 493). Неудивительно, таким образом, что большая часть производства, в особенности же в таких «не совсем современных» отраслях как лёгкая промышленность и т.д., оказалась перенесена западными капиталистами в страны третьего мира – естественно, при частичной *деиндустриализации* старых промышленных держав (стр. 504). В полном

в этих странах в 4 раза ниже, а условия труда гораздо хуже» (стр. 494).

соответствии с *законом общей прибыли*, разница в которой неминуемо должна стираться при капитализме – на что указывал и Ленин. Вывоз капитала, выражаясь языком автора, «превратился в настоящий Гольфстрим».

Автор, далее, приводит промышленную статистику по «новоиндустриализовавшимся» латиноамериканским и азиатским странам, красноречиво свидетельствующую о том, где теперь находятся промышленные мышцы мировой экономики. Так, отрасль чёрной металлургии в развитых странах за 30 лет значительно сократилась, в то время как в развивающихся выросла на порядок. Китай уже сейчас выплавляет столько стали, сколько ни одна страна в мире не выпускала ни в какие годы. Более высокотехнологичная цветная металлургия – особенно металлургия тех металлов, спрос на которые возник лишь в последние десятилетия – конечно же, значительно не сократилась; однако и здесь, по общим объёмам производства, развитые страны уже уступили или уступают первенство. Конечно, – отмечает автор, – такие высокотехнологичные способы производства, как выплавка наиболее качественных сортов стали и т.д., никуда переезжать не собираются – в чётком соответствии с экономическим законом, описанном выше.

То же самое касается и машиностроения. Материалоёмкие и трудоёмкие машиностроительные производства, такие как электротехника или судостроение, давно переехали в Китай, Корею, Малайзию, Таиланд. Автомобилестроение – особенно в части «жёлтой сборки» и других трудоёмких процессов – также значительно сокращается в развитых странах, в то время как такие страны как Китай и Корея уже дышат им в спину. То же самое касается и судостроения. В развитых странах изготавливаются только наиболее высокотехнологичные компоненты машин – все остальные в развивающихся. Типичный пример – Мексика и США. В Китае собирается уже 2/3 ноутбуков; на Тайване на рубеже веков производилось 66% блоков питания, 85% настольных сканеров, 96% ручных сканеров, 65% клавиатур, 60% мышей, 75% корпусов, 58% мониторов и 49% звуковых плат (стр. 502). Но микропроцессоры и более сложная начинка, конечно, производятся в передовых странах – в основном в США. Развитие этих отраслей, конечно же, сопровождается

бурным ростом электроэнергетики – она за пару десятилетий выросла на порядок, в то время как в развитых странах счёт идёт лишь на десятки процентов.

Но ярче всего указанная тенденция проявляет себя в лёгкой промышленности. Автор отмечает: как английская буржуазия разоряла индийских ткачей, доводя их до голодной смерти – так и нынешняя компрадорская буржуазия разорила английских ткачей, которые, правда, от голода не умерли – больше от наркотиков.

Однако умирают (добавлю от себя) – если не от голода, то от болезней точно – разорённые международным капиталом советские текстильщики (обратите внимание – отнюдь не трудом; азиатские рабочие – и даже кооператоры в той мере, в которой они являются работниками, а не обманщиками и накопителями частного капитала – вовсе здесь ни при чём). Причём разорённые и умерщвлённые не *более высокопроизводительным* производством передового капитализма (это бы ещё можно было потерпеть) – а наоборот, менее производительным, но зато более интенсивным и низкооплачиваемым. Таким образом, капитал ради эксплуатации не только сахар в океане топит, но и станки с ЧПУ в металлолом сдаёт; капитал уничтожает, разрушает средства производства и инфраструктуру захваченных им стран, если она не вписывается в его рамки – что, в общем-то, наблюдалось ещё Марксом. В свете этого интересно высказывание одного восточноевропейского обывателя о том, как в развитых странах делают холодильники. «Там же всё машины делают. Даже страшно становится: что *люди* будут делать? Да, это – капитализм... А ваши, совковые моряки, в восьмидесятых годах к нам всё ещё с молотком и зубилом приплывали.»

Он, видимо, думает, что капитализм – ввиду того, что больше прибавочной стоимости выжимает – лучше модернизирует производство, пуская эту прибавочную стоимость на выпуск роботов и т.д. Ну-ну... Святая наивность. Как мещанский уродец «вкалывает до упада» для того, чтобы оставшуюся жизнь с бананом под пальмой лежать – так же и загнивающий капитализм производит роботы для того, чтобы – нарастив на этих роботах экономические клыки – оставшуюся жизнь присматривать за примитивнейшим ручным трудом тех, кто отстал в «наращивании».

Как-то попался в руки старый номер «Правды» середины восьмидесятых – там таджикская ткачиха восхищается тем, какая красивая и нежная ткань из станка выходит. Интересно, где сейчас все эти таджички и станки.

Часть 3

Постиндустриальный глобализованный мир

Апрель 2009 г.

Я продолжаю анализ пятой главы книги К. Дымова «Капитализм – система без будущего», которая посвящена международным аспектам нынешней капиталистической системы, и в которой я впервые нахожу возможность для полемики с некоторыми из аргументов, приводимых автором.

Впрочем, полемизировать я здесь буду не столько с *авторским* определением «глобализации» (не автор заимствовал эту концепцию, не автор внёс её в марксизм – а всего лишь уточнил и внёс пару дополнительных аргументов), сколько с определённым широким направлением – которое, следуя во многом логике «альтерглобалистов», *перенимает* у буржуастов эту концепцию и *переопределяет* её (на мой взгляд, довольно-таки ненаучно) в некую «коммунистическую глобализацию» с её «стиранием различий», «формированием единой общечеловеческой культуры» и т.д., которая «выгодна рабочему классу».

Суть проблемы

Я как раз один из тех самых, указанных автором, которые считают термин «глобализация» антинаучным понятием. Вот цитата из книги: «Глобализация представляет собой совершенно особый, современный и, по всей вероятности,

высший этап интеграции. Это не позволяет нам присоединяться к студентам и докторам наук, утратившим душевное равновесие от возможности описать общеизвестные события в принципиально новых терминах (и, соответственно, побороться за качественно новые гранты) и восторженно разглагольствующим о глобализации в эпоху Великих географических открытий и даже ледникового периода» [Михаил Делягин]. Делягин – директор института проблем глобализации – конечно же, «качественно ново» и неплохо зарабатывает на новой терминологии, чтобы служить объективным экспертом по этому вопросу. Однако же, будучи специалистом по науке, а не по оргвопросам выбивания грантов, я вижу нынешнюю ситуацию в мире как слегка модифицированный макро-вариант той ситуации, которая складывалась вокруг Европы 100 лет тому назад – и притом даже не «глобальный», т.к. из «мировой игры» явно выпадают Африка, большая часть Ближнего Востока, и т.д. Конечно, речь не идёт о терминах времён Колумба и Магеллана; но не вижу смысла вводить новую терминологию в дополнение хотя бы к тому, что существовало в 1950-е годы применительно к единой советской экономике, СЭВу, советско-китайским экономическим отношениям, и т.д. – поскольку с того времени качественных скачков не произошло, и старой терминологии хватает. Я считаю, что расплывчатые «различия в культурных укладах», «культурная разобщённость», «объединение человечества», «стирание границ», и т.д. – это буржуистические понятия, введённые *одними* для того, чтобы – переключившись от ясных и понятных научных терминов на эти – скрыть реальную суть процессов, происходящих в мире, – а каковы реальные процессы, происходящие в мире? – реальные процессы – это капиталистическое фритредерство¹⁰ образца периода, предшествовавшего 1914-му году, агрессивная американизация (поскольку всё это происходит теперь при доминировании одной

¹⁰ Причём в отношении кризисов, ничего такого особенного, что должно усиливать кризисы, во фритредерстве самом по себе нет – кризисы и раньше были глобальными (разве что с меньшей синхронностью), просто у государств были регуляционные рычаги, ныне по отдельности абсолютно неэффективные; а «глобального регулятора» как не было, так и нет. *Нерегулируемый* же капитализм «кризисен» по определению. В этом плане нынешний индустриальный мир чем-то напоминает Европу времён Маркса.

сверхдержавы¹¹), хищническая экспансия монополий (а, собственно, что же в этом нового? – были опиумные войны – будут порнокиношные), неокOLONиализм (вот, действительно, качественно новое явление) – капиталистическая эксплуатация в рамках не единого национального государства, а разных; некоторыми же *другими* эти буржуистические понятия мусолятся ради того, чтобы скрыть свою реакционную сущность, чтобы слыть «антиглобалистами», «альтерглобалистами», а не наёмными мещанами, иждивенцами, или «национальными» капиталистами, обеспокоенными потерей рынков, или феодально-первобытнообщинными наростами, присосавшимися к телу развивающегося капитализма – землевладельцами, племенными вождями, стоящими за родоплеменную замкнутость, борющимися с «культурной экспансией», «неэквивалентным обменом» между лавочниками, и «сопротивляющимися глобализации», а не отстаивающими свои *сугубо капиталистические* интересы, чуждые простому люду, и прямо-таки враждебные пролетариату (и экспроприруемым бывшим свободным трудящимся бывшего соцлагеря).

Стирание границ

Между прочим, капиталистическое фритредерство – образца 1913 года с поправкой на количественные изменения в производительных силах – вовсе не означает стирания границ; и даже *усиление* предпосылок фритредерства, таких как «релятивация расстояний», и т.д., может даже сопровождаться *усилением* роли границ. О каком «стирании границ», например, может идти речь в условиях перманентного ужесточения паспортного контроля? Разве сейчас может новый Бакунин убежать с сибирской каторги через Китай в Японию, а затем оттуда перебраться беспрепятственно в Европу и колесить по ней, в зависимости от политических событий? Проверяют ведь паспорта и «шмонают» (разве что выборочно), даже в поездах, следующих, например, из Италии во Францию, и т.д. Границы остаются и при социализме – конечно, старые границы (как и старые

¹¹ Страны, выработавшей, между прочим, свои специфические мифы о «культурной глобализации», сквозь призму собственного примитивного перемешивания иммигрантов.

государства) уничтожаются, и даже память о них дотла стирается – но вводятся новые, строящиеся совершенно по другим принципам, и для другой цели – осуществления государственного насилия над буржуазными и буржуазно-мещанскими тенденциями. Как и другие (возможно, экономически неоправданные, в краткосрочном плане, с точки зрения максимального удовлетворения материальных и духовных потребностей) глобальные политические мероприятия, элементы социалистического, если хотите, разделения и властвования – однако же, *быстро отмирающие* ввиду своей неантагонистичности (т.е. разрешимости противоречий, ибо отмирающие паразитические слои вечно подавлять не надо – а вот господство эксплуататоров над эксплуатируемыми само себя увековечивает, ибо эксплуатируемые слои отмирать не могут) и *не вмешивающиеся* в повседневную жизнь простых людей. Что, в общем-то, в целом и подтверждает история развития соцлагеря – там никто массово через границу в более развитую республику или соцстрану на корытах не плыл и не тонул, в цементовозах не задыхался, в рефрижераторах и самолётных отделениях для шасси не замерзал. И, в общем-то, движение было масштабнее и *двусторонне* масштабнее, чем это имеет место быть между нынешним «Западом» и «второсортными» 5/6 человечества – между прочим, не сопровождаясь воплями об утрате каких-то культурных ценностей из-за этого. Так предоставим крупным лавочникам и столичным мещанам беседы о том, какие «границы открылись», и для кого.

Стирание культурных различий

Чем обусловлены изменения в культурных различиях? Стирание *традиционных* различий обусловлено перманентным уменьшением зависимости жизнедеятельности человека от генетических, географических, и местно-исторических культурных факторов, всё большей зависимостью от механизмов, сооружений, технологий, и т.д.; имеющих (в том числе косвенное) отношение к производству знаний, навыков, и т.д.; нарабатанных на общественном уровне ценностей, отвечающих за эффективность взаимодействия людей; и т.д. и т.п. –

факторов, распределение по объёмам и структуре которых *резко отличается* от эндосоматических характеристик, природных богатств (которые крайне неоднородны) и веками накопившейся «народной мудрости» (во многом зависимой, опять же, от местной природы) – да такие «современные производительные силы» и более унифицированы (опять же потому, что их наращивание совпадает по времени с «релятивацией расстояний»). Это – объективная тенденция; но существует и другая, связанная с тем, что капитализм по своей природе развивается крайне неравномерно, и склонен даже *усиливать* различия, связанные с уровнем развитости новых производительных сил – и, соответственно, надстройки в виде той же семейной, правовой культуры¹², и т.д. Социализм, наоборот, имеет тенденцию *сглаживать* эти новые, насаждаемые капитализмом неоднородности – где-то очень быстро, где-то медленно – ведь процесс социализации тоже может где-то ускоряться, где-то отставать, а где-то вообще буксовать – пробуксовки будут усиливать, между прочим, роль географической специализации, в т.ч. на *непроизводительном* труде, более *архаичных* видах труда, и т.д., с прямым влиянием на надстройку. Но вместе с тем, социализм *прекращает* бездумное наращивание обезличенного капитала в ущерб *другим* факторам, которые влияют на жизнедеятельность человека. Насколько же эти факторы *более неоднородны*, настолько и социализм будет *сохранять* культурную неоднородность, или – в каких-то крайних случаях – даже *усиливать* её. Вполне возможно, что *некоторые* из *новых* различий пойдут по пути *старых* шаблонов; так же как, например, новая колхозная культура вбирала в себя – на новом качественном уровне – старые (но не все! коллективизм принимала, а с кумовством, косностью и замкнутостью боролась – к сожалению, не всегда удачно) общинные традиции, которые капитализм душил; хотя это всё же будет скорее *совпадение*, чем закономерность; и стержнем человеческого развития будут всё-таки производительные силы, связанные с тем,

¹² Когда, например, в одних капстранах правовые отношения опираются на чрезвычайно дорогостоящую систему, «гражданский капитал», гражданско-правовую инфраструктуру – что выворачивается вульгарными начётчиками как некая идеальная, наиболее совершенная, из возможных, форма человеческих отношений; а в других – на изворотливый, поглощающий время и силы «торг» между субъектами, выставляемый другими базарными мракобесами как «присущая цивилизационная черта». Развитию же социализма помогает и то, и другое: и «накопленный гражданский капитал» одних обществ, и «неподсаженность» на его иглу других.

что буржуасты называют «антропогенным, человеческим, социальным капиталом»; насколько же весь описанный процесс заслуживает названия «глобализации», остаётся крайне спорным.

Коммуникативные издержки, индустриализация отсталых стран и эффект масштаба

Уменьшение транспортных и других коммуникативных издержек способствует тому, чтобы естественным образом «объединить экономики в одну фабрику». Но насколько такое объединение *социалистически-естественно*, т.е. эффективно, с т.з. удовлетворения материальных и духовных потребностей трудящихся, вне зависимости от искусственно обусловленной¹³ *дифференциации в стоимости рабочей силы* – а также в условиях труда, социалке, экологических стандартах, и т.д. – насколько оно предполагает крупное производство, производство в крупных масштабах, как, например, автомобильная индустрия, софтверная индустрия, космическая или термоядерная индустрия? Или же «глобализация» фабрик представляет из себя и предусматривает только более изощрённый способ эксплуатации – когда изменения в производительных силах, связанные с транспортом, связью, и т.д., были присвоены и сказались явно не в пользу разделяемых и подвластных. Но это не глобализация, а всего лишь на всего модернизированная политика «разделяй и властвуй» посредством размещения производительных сил, которой поспособствовали изменения в технологиях – когда товары, деньги, буржуи, и проч. циркулируют быстрее и свободнее, а для работников, наоборот, не только не сглаживаются языковые¹⁴ и прочие барьеры, но даже создаются новые искусственные барьеры; или глобализация *игры в кошки-мышки* между чиновниками, капиталистами, лендлордами, и прочими, когда

¹³ То есть обусловленной не производительностью и себестоимостью, а условиями «торга» сторон, выраженными будь то: в уровне юнионизации труда; уровне наплыва ищущих работу; мощи репрессивного (и зомбирующего, в т.ч. религий и т.д.) аппарата капиталистического государства; наличию и качестве коммунистических и рабочих партий; и т.д.

¹⁴ Яркий пример: любой владелишко магазина или борделя в Гонконге бачит по-английски с лёгкостью воды, текущей из крана, но ни один таксист (не говоря уже о «более пролетарских» профессиях) не понимает ни единого слова.

производство «бегают» в зависимости от распределения «рыночной власти», условий торга, «силы позиций» одних по отношению к другим – но никак не связано с эффективностью в плане масштаба, разделения труда или логистики; и когда такая «игра» неожиданно, благодаря резкому технико-технологическому скачку, плюс скачку в производительных силах ранее отсталых стран, вышла за границы *устоявшихся пределов подчинения*, что резко изменило позиции «игроков»? Такая «интернационализация производства» тоже никому не нужна, и вредна.

Тенденция же к большей зависимости от крупномасштабного производства, объективной необходимости в разделении труда и т.д. – не есть «глобализация», это просто естественный и вечный процесс укрупнения производительных сил, который может дорастать до континентальных масштабов и (в отдельных отраслях) даже перерастать их.

Конечно, будущая социалистическая система должна принять во внимание масштабы специализации – хотя, с одной стороны, мы (может быть) не доросли ещё до уровня сталинского СССР, «сверхинтеграция» которого в своё время была навязана оборонными условиями, да и соотношением наций в размерах в купе с исторически сложившимся замыканием республик на РСФСР – с другой стороны, стандарты СЭВ (чересчур «рязвязного», ибо сформировавшегося также в некоторой степени «искусственно» под давлением условий холодной войны) мы тоже, видимо, переросли. Но не может быть новым уровень межнациональной интеграции, застрявший в промежутке между двумя пройденными старыми. Да и намного ли мы реально переросли СЭВ? С уничтожением эксплуатации, сохранится ли *таких масштабов* (т.е. со специализацией на производстве деталей, и т.д.) разделение труда между континентами? Ведь надо учитывать, что развитие транспортных технологий долгое время велось в пользу трансокеанской торговли, а «внутренние» перевозки запоздали так же, как общественный транспорт приносился в жертву личному; но при новом строе они будут вдвойне развиваться, как «недоработанные» смежные к «переработанным» мышцы, когда на них переключаются спортсмены.

Приводится следующее высказывание: «Глобализация – это новое явление в развитии международного бизнеса, возникшее в конце XX века... Мультинациональная корпорация производит и продаёт товары в разных странах и использует различные стратегии ведения бизнеса, различные производственные процессы, производя различные товары в зависимости от условий в странах, где производится и продаётся товар. Глобальная компания тоже производит и продаёт товары в разных странах, но делает это, используя одинаковые товары, единый производственный процесс и единую стратегию на всех рынках... [Стриженко, Плаксина]. И вот это – научное определение глобализации? Что в некоторых роликах вместо молочно-белой мамы с ребёнком оказывается загорелая? Или кое-где на рекламных щитах «лепят француженок, как будто своих нет», как несколько лет тому назад подметил белорусский батько?

Давайте разберёмся. Что такое «унификация маркетинговых стратегий отдельными фирмами»? Цель фирмы – эффективно провести зомбаж, чтобы её продукт купили – следовательно, чтобы увеличилась перераспределяемая в её пользу прибавочная стоимость. Если ролик не подходит к «местным условиям», если люди его не понимают, то он никаких продаж и никакой прибыли не даст; кокой бы «экономии от масштаба» он ни сулил. Значит, дело лишь в «местных условиях», которые видоизменились; если люди начали понимать иностранные ролики, которые они раньше не понимали – значит, случилось одно из двух. Либо люди поумнели, так что у них просто расширился кругозор – что это есть вечный исторический процесс, как то, что однажды они усвоили латинские буквы – как будто использование их повлекло «глобализацию»¹⁵. Либо же они действительно подверглись информационной экспансии, так что их местные «культурные ценности», в каком-то смысле, заменили на «глобальные»; что, в общем-то, и

¹⁵ Это напомнило одну историю. Один вьетнамец, насмотревшись южно-китайских DVD, расхаживал и напевал мотив... русской «Тройки». И крайне удивился, что это – старинная русская песня, бог знает когда заимствованная китайцами, и якобы приносящая удачу в азартных играх. «Глобализация, блин...» вдумчиво произнёс он.

соответствует хищнической экспансии капиталистических монополий, указанной ещё в Манифесте. И ничего принципиально нового здесь совершенно не имеется.

Американизация

Есть ещё «глобализация» как *все вышеназванные процессы*, происходящие при *доминировании одной сверхдержавы* – США, с её специфическими генетическими, географическими, культурными особенностями. «Глобализация как американизация» – это изобретение уже не консерваторов третьего мира, а *националистов* первого и второго миров, «недовольных» таким сценарием. Однако это изобретение – тоже липовое, ибо каждый новый «оперившийся» силовой полюс – будь то пресловутый российский «либеральный империализм», будь то какой-либо другой – следуют, в большинстве своём, тем же самым стандартам, потому что они обусловлены не культурой, географией, и т.д., а банальным характером производственных отношений капитализма в его поздне-загнивающей стадии. А ведь когда-то США являлись лидером с точки зрения прогрессивности, передового характера производственных отношений – и, как бы по «закону подлости», не могли проводить в то время массивной культурной экспансии из-за отставания в производительных силах и удалённости (хотя это не мешало распространению всего «американского», т.е. передового, среди мировой прогрессивной общественности – вспомним хотя бы американскую литературу того времени, и т.д.). Но теперь, когда США стали «географически ближе» и всемогущи в плане производительных сил, они, наоборот, под флагом устаревших представлений о мелкобуржуазной демократии и в непрерывных ссылках на свою передовую идеологию (и начавшую тогда вырабатываться культуру) эпохи буржуазной революции 1770-х годов, несут по всему миру самые гнусные, деграционные ценности умирающего империализма – но вот мы видим, как и другие страны, та же самая «либеральная империя» чубайсоидов, следуют той же самой дорогой (только без штанов), распространяя те же самые деграционные ценности, но в другой генетической, или с оттенками другой культуры, скорлупе. Что такое, к примеру, «массовая

культура»? Это – явление американское, или это – явление деградиционно-капиталистическое, или же оно присуще массовому обществу, но дело только в *качестве* этой массовой культуры, связанном с *качеством личности* вообще. Такие же вопросы можно задать и применительно к «фаст-фуду» и т.д.

Колониализм, полу-колониализм и неоколониализм

Крайности в *неравномерном развитии капитализма* ведут к тому, что отдельные государства становятся колониями или полуколониями (колониями при не полном, а половинчатом политическом подчинении), а внутри них могут консервироваться, и ещё более усиливаться, благодаря сознательной политике колонизаторов, национальный гнёт, феодальные пережитки, и т.д. Сюда подмешиваются и различия в *способах производства* – если традиционный колониализм имел дело с ресурсами и рынками сбыта, то по мере развития производительных сил высвобождается часть бывшего крестьянства для роста численности пролетариата в слаборазвитых странах; т.е. налицо *процесс индустриализации*, превращающий традиционный колониализм – при котором развитие производительных сил сознательно сдерживается – в «неоколониализм». Царская Россия под конец своего существования – это настолько подчинённая антантовскому промышленному и финансовому капиталу страна, что походит больше на современную неоколонию, чем на империалистическая державу; Китай, замученный империалистами до буржуазной революции, – типичная полуколония, как сейчас какая-нибудь Центрально-Африканская республика, куда французы могут беспрепятственно вводить свой легион, когда им заблагорассудится – или государства аравийского полуострова, где безраздельно хозяйничает американский флот; Индия – классическая колония, и т.д.

Структурные культурные изменения

Автор приводит геологическую аналогию, утверждая, что «глобализация наступает лишь тогда, когда «известняк» подвергается метаморфизации и превращается в *однородный*, не имеющий столь чётко выраженной внутренней структуры «мрамор»» (конец цитаты). То есть общество, надо понимать, достигает некоей высшей степени «массовости». Правда, автор сам тут же оговаривается: «Впрочем, модель «абсолютно однородного глобализованного мира» есть, наверное, не более чем научная абстракция. *Реальный* глобализованный мир, который складывается сейчас, представляет собою скорее не «мрамор», а «мраморизованный известняк», «промежуточную» горную породу, сохраняющую некоторые неоднородности» (конец цитаты). То есть, надо понимать, что «глобализация» ещё не наступила, а мы имеем некую «промежуточную стадию» между «глобализацией» и «не глобализацией». Понятно, что такого рода понятие никакой научно-практической ценности в себе нести не может. Было ли человечество в 1913 мраморизованным известняком, или нет? А в 1938 году? А Штаты, где до сих пор четыре языковых диалекта – это мрамор, или ещё нет?

Можно, конечно, говорить о том, что перманентное развитие *производительных сил* (т.е. базиса) – а оно объективно, и от него никуда не деться, хотя при социализме оно, конечно, подчинено удовлетворению естественных надобностей человека, в том числе таким *противоречащим самой сути этого развития* потребностям, как отдых, простое созерцание, и т.п. – сопровождается неким дроблением, вымыванием, выветриванием «твёрдых» культурных (и вообще *надстроечных*) ячеек, повышая, таким образом, в каком-то смысле, «энтропию» этой самой надстройки; повышая в этом плане роль пангуманистических ценностей и роль индивидуальной личности, в противовес неким групповым образованиям. Если научно развивать эту тему, может даже возникнуть целая отрасль науки на стыке антропологии, социологии и экономики, с элементами физики. И описанный процесс, возможно, и заслужил бы названия «глобализации», если бы буржуасты не опошили это родственное «глобусу» понятие для того, чтобы – «подчеркнув»

«особенности» современного периода, «качественное отличие» в смысле затрагивания «всей планеты», «чересчур разобщённых» цивилизаций – «подвести» ещё один «научный» базис под обвинение в социальном утопизме любых проявлений «не буржуазма» и коллективизма, эдакий брызжущий слюной «научный либеральный капитализм», хотя это – конечно же, антинаучная галиматья и прямое, сознательное введение в заблуждение; такой же, как начитываемая с пеной у рта «теория» «постиндустриального общества», которому якобы «наиболее соответствуют» индивидуализм, «соответствуют» «идущие вперёд при помощи миллиардов проб и ошибок» мелкие хозяйчики¹⁶; как уродская «теория командной

¹⁶А если марксисты заимствуют этот бред, и заявят о «коммунистической постиндустриализации» - что они под этим будут понимать? Дробление производства, ставку на персональную вычислительную технику, принижение роли коллективного начала, под маркой перенимаемого расплывчатого «усиления роли человеческого фактора»?

Отражённая от расплывчатой и ненаучной «капиталистической глобализации», «глобализация по-коммунистически» может вполне последовательно трактоваться как агрессивная русификация, уничтожение вообще любых границ, стирание без разбора всех культур; агрессивная унификация, плюющая на объективную неоднородность нужд различных групп людей; воинствующая замена духовных традиций растущим потоком товаров, «выгодная рабочему классу». Капиталистическое фритредерство – более конкретное экономическое понятие, чем «глобализация» – есть стирание административных барьеров на пути товаров и капитала, мешающих капиталистическому накопительству. В противовес ему ставится социалистическая интеграция – стирание таких административных барьеров на пути товаров и людей, которые мешают удовлетворению материальных и духовных потребностей. Однако социализм оставляет барьеры, заслоны на пути спекулянтов и вредителей – на то он и социализм; как и капитализм ставит заслоны, препятствующие тенденции к повышению стоимости рабочей силы (что в концепции «глобализации» никак не фигурирует). Место международной эксплуатации занимает принцип распределения по труду; в противовес же экспансии монополий – в частности, экспансии американских монополий – идёт укрупнение производства, подчинённое учёту подлинно-демократическими институтами объективных потребностей. Конечно, при казарменном социализме потребности могут извращаться правящей верхушкой, или трактоваться в свою пользу – например, массовому спорту предпочитаться «большой» спорт, здоровью массовому – здоровье будущих солдат, и т.д.; однако ж бороться с таким явлением нужно, и делать это легче, чем при казарменном капитализме – который, как мы убедились, «не казарменным» уже быть не может – разве что для избранных, для 1/7 части планеты. Экспансия же монополий есть уничтожение местного производства, в том числе посредством блокировки распространения знаний и технологий, уничтожение культурных традиций, и т.д. Ей плевать, что одним народам вредно растительное масло, а другим коровье молоко – главное, как дешевле произвести. Ей плевать на культурную обособленность, если она чем-то помогает людям, но мешает сбыту, в том числе «развлекательной» сивухи. Конечно, в условиях полноты информации и возможности выбора покупатель покупал бы то, что бы ему больше подходило; но хищническая экспансия монополий на то и хищническая экспансия, что агрессивно подавляет противную ей информацию; на то и монополий, что лишает выбора посредством монополизации, узурпации. Местная же, «антиглобалистская» буржуазия, будет яростно отбиваться своими собственными информационными кампаниями, кражей технологий, и т.д., но это просто другая сторона медали, как насаждение взглядов о том, что всё иностранное вообще вредно. Ничего подобного не делает социндустриализация с её укрупнением производства и углублением специализации. Она подрывает только те культурные традиции, которые реально удушают материально-духовный (с приоритетом на духовный!) уровень жизни – например, религию – но не сразу же, опять же: оставляет её в модифицированном (обезвреженном) виде для наиболее отсталых слоёв общества, не способных по-другому оставаться в рамках нравственности. Она унифицирует только то, что реально нужно всем – конечно, может возникнуть мобилизационная (реальная, а не выдуманная или навлечённая госкаповской партноменклатурой) нужда, когда ради выживания социалистического отечества приходится отказываться

экономики», и т.п. Зачем сознательно завязывать данного рода «дробление» на какие-то процессы, происходящие именно в сегодняшнем мире; зачем-то усиливать, искусственно продвигать коммунистически-релевантную составляющую этого явления, то бишь «дробления» – как будто современный мир имеет *качественное отличие* – а, следовательно, предполагает продвижение с особым рвением каких-то тенденций, получаемых «зеркальным отражением» от этого антинаучного капиталистического маразма при помощи «коммунистического зеркала». Ведь коммунистически-релевантная составляющая *надстроечных изменений*, применительно к национальному, или *международному вопросу* не обязательно сводится к «дроблению». Капиталистическое фритредерство действительно может, в погоне за максимальной прибылью за счёт максимального рабства, разрушать культурные различия и попирать традиционализм (в том числе и в целях развращения и растления, и одевания, если это – фритредерство деградирующего капитализма); а капиталистический протекционизм – с такими же целями их сознательно насаждать (в том числе, возможно, сопровождая их попытками тоталитарно бороться с *проявлениями* разложения и гниения – а *сущие корни* этого загнивания, наоборот, тоталитарно-террористическими методами защищать). Но социнтеграция, направленная *a priori* на потребности человека, в особенности же на его духовные потребности, не обязательно должна следовать *шаблонам* этого фритредерства, как в методологии (антинаучный упор на *порционность* соответствующих изменений в производительных силах; «особость» с т.з. вовлечения «чересчур удалённых культур», как будто есть *качественное отличие* между «культурной удалённостью» белорусов от индонезийцев и «культурной удалённостью» эстонцев от таджиков; какой-то непонятной «всемирности», и т.д.), так и на практике («ломаю ячейки»). Удовлетворение материальных и духовных потребностей может предполагать усиленное изучение языков (двух, трёх, и – далее – вплоть до десятков – но, опять же, не обязательно всеми), может предполагать повышение мобильности, тем более для удовлетворения потребностей в более разнообразном общении, отдыхе, и т.д., – но

от каких-то не очень острых духовных нужд, в пользу экономически более целесообразной унификации. Но это уже – не черта социализма, а временное явление, навлечённое внешним человеческим фактором.

какие-то отдельные материальные и духовные потребности эффективнее удовлетворять в рамках существующих ячеек – да и мобильность может снизиться, ведь работать возле дома, семьи, и т.д. может оказаться удобнее. Можно ли относить к «дроблению» продвижение грамотности и книгоиздательства на национальном языке, с использованием элементов национальной культуры, если это помогает преодолению (подчас искусственно создаваемых) барьеров между разделёнными группами пролетариев? Или избавление языка от монопольного засилья иностранных слов, затрудняющего образование наиболее тёмных, забитых слоёв производительных работников? «Глобализация» – это антинаучная апология безудержного перекоса в сторону «стирания», да ещё при бесстыжем попрании прав трудящихся и эксплуатируемых¹⁷ (даже отдельных категорий капиталистов), прикрываемая изменениями – чаще отдельной порцией изменений – в производительных силах; социнтеграция, не призванная ничего лженаучно оправдывать, есть конкретная и нерасплывчатая концепция учёта изменений в производительных силах, предполагающих взаимодействие стран и народов, находящихся на разной стадии социализации, при планировании удовлетворения материальных и духовных потребностей.

Понятно, что вместо, например, агрессивного накачивания всех и вся голливудской сивухой, за которой практически ничего не стоит, кроме мощи соответствующих монополий, – нужно отбирать, при помощи подлинно-демократическим путём выбранной комиссии, по всему миру лучшие фильмы (в том числе ретро) и показывать их – египетские, филиппинские, и прочие фильмы. Но смотрели же мы и в советское время чешские и китайские мультики, совместные фильмы с ГДР и т.д. Собственно, в чём здесь «глобализация»? Если имеется в виду унификация отдельных товаров и «культурных ценностей» на основе каких-то

¹⁷ Как будто есть разница между бангладешским крестьянином, пошедшим работать на ТНК, и который теперь «хоть и эксплуатируется, но получает же больше, чем остальные!!! Это заслуга глобализации!!!», и калужским сапожником, приехавшим в 1905 году работать в Москву, на Пресню – он тоже ел больше мяса, чем средний крестьянин, и т.д., ну и что с того? «Ужасы» неокOLONиализма более сглажены, что-ли, чем эксплуатация в рамках одного национального государства? Или дело просто в напаханных границах, которые как нельзя кстати подошли для разобщения угнетаемых? (Даже не столько в исламе, который, как кажется некоторым, «эффективнее» в плане подавления, разобщения, и «цепляния» за нравственность, потому что это – «молодая религия», «в фазе развития, соответствующей христианским крестовым походам», и т.п. заимствованные антинаучные бредни.)

универсальных технологий и культурных идей, то это можно было бы назвать «универсализацией» – но, с другой стороны, будет и обратный процесс: если капиталистическим монополиям невыгодно учитывать какие-то местные особенности, соответствующие реальным духовным потребностям – после освобождения от капиталистического маразма может наращиваться и «диверсификация».

Представим на минуту, что протекционизм берёт верх над фритредерством, и буржуазные писаки начинают трезвонить о «локализации», о повышенном внимании к «местным проблемам», «национальной культуре», «вековым устоям», от которых «либералы» чересчур удалились в «глобалистском угаре» унификации – а без них, оказывается, пока нельзя, и т.д., и связанной с этим ещё большей «утопичности» анти-капиталистических проектов – например, потому, что они «анти-традиционны». Означает ли это, что надо будет инкорпорировать в марксистский научный язык и этот модный термин? И, защищая «объективные тенденции» к большему учёту местных характеристик, говорить о «локализации по-коммунистически», о том, что надо «выпустить пар», вернуться назад, привести убежавшую надстройку в соответствие с базисом? Конечно, нет – надо всего лишь говорить о каких-то конкретных (увеличение или уменьшение часов на родной язык в школах) и сугубо научно-определённых (а не расплывчатых типа «взаимобогащения культур») изменениях в элементах *социалистической* надстройки, в ответ на объективный процесс «релятивации расстояний», возрастания эффективного масштаба, более быстрого роста производительных сил в отсталых регионах, с единственной целью – *толкать вперёд социалистическое качество жизни и всестороннее развитие личности.*

Количественные изменения и качественные скачки

Автор, безусловно, методологически крайне верно разделяет *объективные сдвиги в производительных силах* (которые он называет «предпосылками глобализации») и *сопутствующее им* усиление интернационализации производства,

устранение барьеров на пути финансовых потоков, и т.п. *процессы, затрагивающие мировую надстройку и размещение этих производительных сил.* (между прочим, протекционизм и свободная торговля попеременно сменяют друг друга – означает ли это, что «глобализация» есть всего лишь эпоха преобладания фритредеров над протекционистами?) Автор делает важное замечание, что уже во времена Манифеста чётко прослеживалась тенденция *капитализма* самого по себе разрушать «традиции», стандарты, паттерны (и, добавлю, опошлять их) и делать производство и потребление космополитическим. Однако тут же автор опять апеллирует к «унификации хозяйственных укладов», «действительно [курсив мой – В.Т.] единой мировой экономике», присущих якобы *только современности*. «С 60-х и 70-х годов процессы ... вышли на новый уровень и стали *вести* [курсив мой – В.Т.; а раньше они не вели?] к превращению мирового хозяйства *практически* [курсив мой – В.Т.] в единое монолитное целое». «... Количественные изменения... породили качественно более высокий, революционный процесс... *приблизили* [курсив мой – В.Т.] мир к качественно новому состоянию *однородности*». Т.е. процесс *качественно нов* тем, что *приблизил* мир к качественно новому состоянию. Лично мне такая логика совершенно непонятна. Может, он его *быстрее* стал приближать?

Но даже если дать определение глобализации как «тенденции к ускорению некоторых производственных и общественных процессов, подталкиваемому ускорением сдвигов в производительных силах транспорта, связи, масштабов производства, специализации и т.д.», то такого рода «тенденция к ускорению» тоже стара, как сам мир; и даже была сильнее в эпоху бурного развития телеграфа, и т.д. Снижение реальной стоимости морских перевозок приблизительно в 6-7 раз вовсе не даёт оснований полагать, что нынешние Джакарта или Сантьяго стали к европейским центрам «качественно ближе», чем тогдашние Москва и Стамбул. То же самое относится к авиаперевозкам и к телефонной связи. Да, оптоволоконная связь – при изобретении которой, между прочим, не обошлось без помощи социалистической системы – в купе с развитием средств электронной обработки и хранения информации дала, конечно же, качественный скачок (по сравнению с прежней телефонной), обеспечивший практически мгновенную передачу

информации совершенно иного качества. Но ещё большим качественным скачком был телеграф – однако ж, никакой «глобальной культуры» в тогдашней Северной Атлантике он не повлёк. Да, возникла сфера информационного производства. Но какой процент от общего производства она сейчас составляет? Другой вопрос, что при современном социализме она, конечно, будет расти неимоверно быстрее. Однако ж и это будет нивелироваться тем, что социализм победит в странах, *отстающих* в информатизации. Когда же развивающийся социализм начнёт перегонять в производительных силах капитализм и давить его – вот тогда произойдёт настоящий качественный скачок и в производительных силах (ведь это будет сопровождаться реальным переходом к «экономике знаний»), и в надстройке; окончательно отпадут государственные образования, мир сожмётся до размеров послевоенного СССР; «энтропия» же культурной надстройки местами возрастет настолько, что бывшие отличия с точки зрения традиций, обычаев, генетики, географии – применительно к личности – будут всё больше напоминать атавизм, о котором приятно иногда вспомнить. К тому же это будет сопровождаться, по-видимому, стремительным рывком в космос, преодолением межпланетного барьера, что наложит свои отпечатки. Империализм же способен только *приблизить* мир к качественно новому состоянию – да и то, при задушении других ценностей; до реальной «экономике знаний» – когда информационная сфера охватит больше половины производительных работников – ему не дорасти, как ужу до аиста.

* * *

Одним словом: так же, как нет какого-то нового «постиндустриального мира», а есть объективное усиление *роли* производительных *услуг, удалённых* от непосредственного процесса *промышленного* производства – усиление, за которое буржуасты уцепились, как за соломинку; так нет и никакого «глобализованного мира», а есть *эффект* возрастания масштабов, мобильности ресурсов и людей вообще, индустриализации отсталых регионов – гораздо более сложная проблема, за которую они тоже ухватились – вот этот эффект, *который, безусловно, влияет* на

вопросы, связанные с *социалистическим преобразованием надстройки* (в т.ч. национальный вопрос, религиозный, и т.д.) в рамках прежнего мира, как и 50 лет назад, как и во времена образования СССР; однако ж не предусматривает абсолютно ничего качественно нового, как я это вижу – кроме новых попыток разлагающегося буржуазно-мещанского трупа подсовывать липовые медицинские справки о том, что он живой, и даже «преодолел свои противоречия».

Наёмный труд

Май 2009

Я, далее, немного перескакиваю, и приступаю к анализу главы книги Дымова, посвящённой наёмному труду и его неэффективности в современных условиях.

В принципе, своё видение этой проблемы я достаточно полно изложил в «Социализме». Но, прочитав авторский текст, понял, что слишком уж сложна проблема, и «полно» по ней высказаться невозможно.

Свобода: осознанная необходимость или нечто, что это осознание всё-таки даёт?

Развитие производительных сил с неизбежностью предполагает увеличение свободы человека и, соответственно, уменьшения довлеющей над ним необходимости. Это наиболее абстрактно-философски. Конечно, если – сразу оговорюсь – развитие орудий труда не компенсируется телесной и личностной деградацией; что, впрочем, и не может являться «развитием производительных сил» в строгом смысле слова. Правда, в *классовом* обществе такое развитие идёт односторонне – увеличение свободы на 99% относится на счёт паразитов. Причём раб и даже крепостной, очевидно, менее свободны, чем дикарь; развитие же капитализма возвращает производительного работника – в этом отношении – на уровень неандертальца, гонимого на охоту вечным голодом. *Только при социализме*

производительный работник наконец-то начинает прогрессировать дальше дикаря, со всеми вытекающими отсюда последствиями. И процесс этот идёт лавинообразно; и сопровождается такой ломкой всех стандартов жизнедеятельности, такими воистину тектоническими сдвигами, которые соизмеримы только с переходом от варварства к цивилизации.

Теперь давайте подойдём более конкретно – что собой подразумевает свобода? И какие необходимости она ломает?

Либерализм ничего не конкретизирует, ибо это – в высшей степени лицемерная идеология. Она утверждает, что стремится к абсолютной свободе. Это – одна из составляющих общей стратегии либерализма – подсунуть народу фекалии вместо товара, куцые обрезанные свободы вместо реальных политических свобод. Реально же никаких существенных свобод система либерализма не несёт: колоться и хамить ментам ты можешь, и можешь выбрать из 150 сортов молока, но реального выбора на выборах органов власти ты не имеешь, как не имеешь его и на бирже труда, и ещё меньший выбор ты будешь иметь там, куда тебе с этой биржи всё-таки посчастливится наняться; и никогда не проникнешь, ввиду коммерческой тайны, дальше пёстрых этикеток, в то, из чего сделано это молоко, и как это на тебе отразится. Так же и загнивающий капитализм – экономический базис либерализма – подсовывает пёстрое месиво товаров, лишая реальных благ, да отнимая у человека его рабочее время, превращая этот период его жизни в рабское, потерянное время.

Социализм же – настоящий социализм – в отличие от либерализма всегда говорит правду, что никакой абсолютной свободы он принести не может; и конкретизирует, какие новые свободы, по сравнению с капитализмом, феодализмом, рабством, первобытной общиной, и животным миром, он несёт. Дикарь, как и животное, проводит всё своё время в поисках пищи, движимый рефлексамми – голод, жажда, холод, и т.д. У животных даже созерцание, как таковое, отсутствует – оно ведь, по большому счёту, также утилитарно, и сводится к выявлению опасностей. Отдых – случайность, обрацаемая в сон. У высших форм животных уже появляются какие-то виды игр – у приматов они принимают уже достаточно сложные формы, и т.д. Затем уже дикарь, в процессе игр и созерцания, обзаводится разумом – и

естественный отбор наделяет его мозгом, возможности которого даже современный «специалист» использует, дай бог, на 5-10%. И вот, наконец, появляется на свет божий аристократ: свободный, как птичка: и даже поющая о том, что физический труд иногда полезен, даже если и имеется состояние, оцениваемое в 200 тысяч фунтов в год. Но аристократ – это всё равно мерзкий паразит, какими бы формами труда он себя ни тешил; за редкими исключениями, «не от мира сего» мутантами. Социализм разрушает этот идиллический мирок; но тут же, в течение буквально одного поколения, создаёт новое – доселе не виданное – разнообразие в плане тех благ, который повышают реальное (а не 25-м кадром наиллюзионированное) качество жизни. И вот социализм достигает стадии, когда начинает предоставлять большой выбор не только с точки зрения благ, но и характера и **форм самого труда**.

Таким образом, вырисовывается процесс, наводящий на мысль о том, что человек всё меньше как бы стесняется в повседневном выборе – хотя бы в таком, будь то: болеть ему, или не болеть, умирать- не умирать, и т.д.; и, вдобавок к этому, всё менее зависит от противных самому его нутру форм труда, что в конечном итоге сводит к минимуму *труд вообще* как труд, т.е. деятельность, сопряженную с какого-либо рода трудностями, необходимостью ломать себя, переступать через себя. Если же человек всё-таки себя ломает, подвергает трудностям и неудобствам, то он *даже это* делает по большей части сознательно, в целях духовного развития, чтобы не дать себе стать тряпкой, губкой.

Производительность труда: кто кого?

Теперь по части того, что касается производительности этих новых форм труда. С этой точки зрения, социализм сам по себе не эффективнее капитализма в *той его части, что касается собственно социалистического* способа производства – ведь имеет место просто *более быстрый* рост из-за подавленности паразитизма в обществе, если социализм находится в роли догоняющего. *Обгоняет* же социализм капитализм именно за счёт тех «ростков коммунизма», ростков свободного творческого труда производительных работников, которые капитализм мнёт, давит

и душил в зародыше. Социалистический сектор – это всего лишь вывернутый наизнанку капитализм, где вместо найма существует общественный договор, вместо контракта по продаже рабочей силы – план-контракт между работниками, а необходимость никуда не пропадает; просто преодолевается отчуждение от средств производства и потребностей в том плане, что они теперь – общественные средства производства и общественные потребности, а не прихоть хозяина и потребителя. Человек более как бы «понимает», для чего он работает, понимает потребителя, который такой же, как и он, чувствует общность с потребителем, с обществом, общность с «горизонтальным контролем» – который всё-таки его «контролирует», который «заставляет» его работать, но имеет гораздо менее чуждую природу.

Но уже само это – в купе с использованием средств производства, в том числе знаний, *реально* в интересах *всех* людей – подталкивает нечто новое, не укладывающееся в рамки принципа «работать, чтобы получать по труду». Вырисовывается свобода – и часть этой свободы идёт в общественное русло (при капитализме – никогда). *Все* работники начинают понемногу думать, как улучшить производство. И свободно делятся своими мыслями с окружающими – зная, что узурпировать эти мысли в корыстных целях маловероятно. В какой-то момент эти мысли аккумулируются в голове какого-то одного человека, и возникает рацпредложение. И для этого не обязательно «сектор умственного труда» должен перерасти «сектор физического труда». Эти, на первый взгляд «серые» люди – уже не капиталистические обыватели, не «серая толпа». Это – толпа, которую уже пропитало качественно нечто новое. Потом, по мере преодоления противоречия между физическим и умственным трудом, этот процесс удесятеряется в своей мощи.

Сложность труда

Третья вещь, которая понятна даже ежу – что чем сложнее труд, тем меньше элементов «рабства» он предполагает. Раб уже даже самые примитивные орудия труда ломает; да и сложно контролировать, насколько усердно он пытается эти орудия труда эффективно использовать – чтобы знать, за что и когда его бить. То же

самое относится к процессу «эволюции» рабочего. На сложный творческий труд, окружённый *чрезвычайной неопределённостью* даже для самого трудящегося – вообще как можно подвигнуть страхом голода или маргинализации, выпадения из общества? Они произведут на свет, в лучшем случае, бездарность. Да и как, например, контролировать труд современного учителя (или работника другого подобного, непонятно в какой степени производительного, труда), соответствующим образом платить ему, «наказывать» его рублём, если «плоды» его труда будут видны только через десять-пятнадцать лет, да и то под электронным микроскопом. Остаётся только надеяться (в основном) на его профессиональное достоинство и общую развитость, иррациональным образом прирастающую – опять же, в свободное время. Однако при социализме, конечно, определённые страхи всё равно присутствуют. Это и маргинализация моральная – не остракизм, но как бы общественное осуждение; это и материальные страхи перед какого-либо рода дискомфортом. И *по мере развития* зрелого социализма эти страхи, конечно же, уменьшаются; естественно, параллельно идёт и процесс *усложнения труда* и в рамках простого машинного производства, и тем более развивающегося – на что указывает автор – так называемого «информационного способа производства». Но это не принципиально новый способ производства, заменивший старый – а модифицированный старый, т.е. машинный способ, на который «нарос» сектор удалённых от непосредственного процесса производства производительных услуг – и «дорастёт» до того, что перетянет *большую часть* трудовых ресурсов на себя. И я в «Социализме» говорил о том, что даже самым передовым странам до этого момента ещё идти очень и очень далеко.

Автор указывает, что сборочный конвейер – очень отупляющее производство; и логика, в общем, такова, что «машинное производство» – ещё не на стадии «информационного» – может, в принципе, обойтись и дебилами (на худой конец «серыми людьми»), и социалистические отношения как бы никакого толчка в плане производительности труда тут дать не могут. С этим, конечно, трудно согласиться. Ведь сборочный конвейер – это скорее *цеховое* производство, чем *машинное*, не вышедшее ещё до конца, по большому счёту, из феодализма. Потому оно и

отупляющее, что самое отупляющее производство – это цеховое производство с большим разделением труда. Первым таким «конвейерщиком» был, наверное, Адам Смит со своим производством булавок. Но «отупляющее *машинное* производство» – это скорее пережиток, тормозящий развитие *самого* машинного производства из-за отсутствия рацпредложений, большого количества увечий (из-за тупости, усталости, утомлённости), и т.д. И сказать, что собственно работа на конвейере – это суть современного конвейерного производства, значит, ничего не сказать. Конвейер на то и конвейер, что он *налажен* – и теперь можно обойтись дебилами, которые достаточно легко и быстро заменяются машинами (что, собственно, и произошло) – и при этом ещё и качество продукции непомерно возрастает. Но *наладить* конвейер дебилы не смогут. Чтобы наладить сносный конвейер, нужно *столько* инженеров, *столько* времени, и *столько* квалифицированных рабочих для производства *таких* сложных орудий и деталей (конвейеров по производству которых не существует) – что ещё неизвестно, где больше труда нужно – при наладке, или собственно при работе. Автор, как инженер, поймёт, о чём я говорю. И здесь – при такой работе – существует *столько* опций, *столько* вариантов, что практически от каждого человека, задействованного в этом процессе, требуется кулибинский уровень мастерства и рационализаторства. Я уже не говорю о современных автоматических конвейерах – таких, как, например, японские конвейеры, которые наладиваются *годами*.

Реальный уровень жизни

Далее. Капитализм обречён не только потому, что он основан на примитивном экономическом принуждении. Капитализм обречён потому, что человек при нём – это рабочий скот, каким бы «человеческим капиталом» он ни обладал, какую бы производительность труда ни выдавал, и какой бы сложной и изощрённой ни была система мотиваций. Наёмное рабство может только способствовать накоплению стоимостей (в том числе вокруг талии) и примитивных удовольствий, но не может решить реальные проблемы, стоящие перед человечеством, связанные с

улучшением реального качества жизни. В людях просыпается человек, и они не хотят больше быть рабочим скотом, над которым вещь стоит в виде субъекта – но эти желания неосуществимы в рамках строя, который в своей сути ставит вещь над человеком. Поэтому наёмный труд становится неэффективен хотя бы потому, что он потребности большинства населения не может удовлетворить в принципе, каким бы производительным в работе с какими угодно сложными орудиями труда он ни был. Тут дело даже не в найме как таковом, а в контексте, в котором этот найм происходит (от коего контекста этот найм, впрочем, и неотделим). На этом, в общем-то, и должна быть основана победа социализма – на информационных кампаниях правды не о количестве выплавленной на душу населения стали, а о качестве жизни, как бы парадоксально это ни выглядело. Парадоксально в свете того, как авторитарная каста свиней на бывшем социалистическом пространстве – перед тем и в процессе того, как сама же сверху и насаждала обратно, самым бесстыдным образом, варварские производственные отношения – бездарно проигрывала Западу в 60-80е гг. кампанию за кампанией именно в *информационной* войне, пропаганде среди молодёжи образа жизни.

За всё надо платить

Наёмный – как и вообще оплачиваемый – труд неэффективен, кроме того, потому, что он дорог. Это выглядит как банальность, а кому-то может показаться и святотатством. Например, мелкобуржуазным страдалишкам, помешавшимся на фразе «любой труд должен быть оплачен», эдакая «социалистическая» истина. Но эти люди забыли простую экономическую истину: за всё нужно платить. С уходом в прошлое наёмного рабства, повышением зарплат, введением 8-часового (а затем и 7-часового) рабочего дня, люди начинают себя реализовывать, просто *жить* за пределами этого самого трудового дня. *Отнимая* у человека время на проплатный труд, ты должен ему что-то дать взамен – либо наслаждение, либо нечто, что поможет ему сэкономить время – да ведь и силы, физические и моральные, ты должен ему восстановить. И перманентно растущая, таким образом, «стоимость»

труда, в конце концов, съедает всю его полезность, весь «потребительский избыток» – убивая всякое производство, и давая реакционной сволочи повод экономические гайки обратно закручивать, и мумию рабства воскрешать. Другое дело, если труд (или часть его) идёт как *побочный продукт* развлечения, или решения сугубо личных (далёких от производства) проблем; хочешь чего-то, так заинтересуй его этим – тем более в условиях, когда человек начинает всё больше трактовать общественные проблемы как свои собственные. Тогда стирается грань между «рабочим» и «нерабочим» временем; совместив труд со свободным временем, можно довести его (особенно если учитывать не сам труд, а «подготовительный процесс» в виде обучения, обдумывания, и т.д.) до 18 часов в сутки; ввести вместо «труда» по улажению рецепторов в местах их наибольшей концентрации – труд, который интересен; вместо убогого туризма – труд, который познавателен; вместо тупых тренажёров, которые язык не поворачивается даже назвать спортивными – труд, который полезен. Такой труд не надо «заливать» растущим потоком потребительских наслаждений, уничтожающих ещё к тому же окружающую среду – или, по крайней мере, этот «поток» можно снизить в разы. Капитализм, в принципе, и пытается это делать – чтобы экономить. Если капиталист встречается лицом к лицу с непролетарием, он пытается заинтересовать его, чтобы меньше платить. Но такого рода «дармовую рабочую силу» капитализм использует вовсе не для того, чтобы снизить цены, и высвободить ещё больше «дармовой рабочей силы». Как раз-таки наоборот, капитал присваивает прибавочную стоимость, появившуюся вопреки ему самому, чтобы ещё больше закабалить труд. Вместо того чтобы поливать ростки свободного труда, капитализм их вырывает с корнем и сжирает. В этом противоречие капитализма.

Он (капитализм) вроде бы и не против свободного труда; но сам, наоборот, делает труд всё более и более противным человеческой сути занятием – а вместе с тем, предоставляет всё больше и больше возможностей для «наслаждений» за деньги в отличное от труда время. Человек такого общества не может жить общественными проблемами никогда – разве что супер-иждивенцы типа жён президентов и особенно знаменитых магнатов. Человек же, информационно

отрезанный от всего этого дерьма в виде физических наслаждений, неминуемо повернётся в сторону общественных ценностей. А чем ему ещё заняться – тем более, если основные потребности его удовлетворены? В капиталистическом же бомжатнике, такой человек будет трактоваться как зомби. «Зомби» – человек, отрезанный от индивидуалистически-утилитарного зомбажа, от растлевающей сивухи, реального зомбирования 25-м кадром, пищевыми добавками, и прочими «технологиями», которые уже открыто признаются. Так же, как «узурпатор» – человек, пытающийся ограничить права реальных узурпаторов, скрывающих свою суть.

* * *

И в заключении. Почему этот рассмотренный нами вопрос об освобождении труда человека встал только сейчас, а не 1000, или 2000 лет назад? Да потому, что *производительность труда* выросла. И большинству уже не надо поддерживать само своё существование, продолжение рода работой по 16-18 часов в сутки; а ночью ещё и поочередно дежурить: как бы волки в хлев не забрались. Когда же основные нужды обеспечены – «полезность» остальных, непроизводительных, есть вещь сугубо субъективная. Будут ли люди в оставшееся время «потреблять» созерцание неба, или поочередно съедать за миллион дерьмо друг друга – «удовлетворяя» свои потребности в том, чтобы видеть, как другой человек ест твоё дерьмо; или «потреблять» то, что другой человек сделал чисто «для фана» – никакая необходимость здесь не довлеет. Так почему бы не «выпестовать» третий вид потребностей, как капитализм поступает со вторым? И, умно повернув его в русло модернизации производительных сил (а делать это наёмный труд и капитал, как показано ранее, уже не могут) – как загнивающий капитализм направляет пороки, прихоти, вожделения деградирующей личности в русло накопления ликвида, абстрактных меновых стоимостей – ещё и поднять жизненный уровень.

Его, капитализма, противоположность должна умело направлять свободную трудящуюся личность – страдающую, как говорит автор, «внутренней потребностью

работать» – в русло общественных потребностей. Ведь [«современные экономические проекты построены либо на частном инвестировании, предполагающем достаточно быстрый «возврат» средств в виде прибыли, либо на «государственных нуждах», по большей части также утилитарных, даже если это – социалистическое государство, не говоря уже о капиталистических. За таким подходом нет будущего, и он не обеспечит дальнейших научно-технических прорывов – они просто не привлекательны инвестиционно. Будущее – только за свободно-трудовыми проектами, которые не имеют никакой прагматической ценности для своих участников, кроме самореализации в процессе свободного труда. ТОЛЬКО ОНИ, при грамотном руководстве ими со стороны специалистов, смогут обеспечить и материальное развитие. Как «невидимая рука» Смита превращала эгоизм в инструмент обогащения народа, так прагматичный интерес и любознательность, умело направляемые в русло общественных целей, будут толкать вперёд научно-техническую революцию со всеми её практическими применениями.»] (см. Стихидов и др. – «Социализм...»).

* * *

Теперь перейдём непосредственно к идеям автора, которые здесь очень важны, и которые следует чётко выделить и дополнить. Эти идеи, в основном, являются продолжением его теории информационного способа производства и влияния этого способа производства на противостояние двух систем; однако, как и в предыдущих главах, они настолько тесно переплетены с общей тенденцией развенчивания старых и новых буржуистических мифов, что имеют колоссальное, на мой взгляд, значение, даже абстрагируясь от этой теории.

1). Буржуасты – и это заметил уже Маркс, а теперь это гораздо более ярко выражено и пошло – в борьбе с социализмом абстрагируются от капитализма как такового, и выставляют некую идиллическую картину общества мелких хозяйчиков, которого никогда больше не будет, поскольку развилось крупное наукоёмкое машинное

производство. Да собственно, его никогда и не было, не считая короткого периода сразу перед промышленной революцией – когда, по большому счёту, ещё властвовал феодализм.

2). От себя добавлю, что, помимо этого, буржуасты делают всё, чтобы скрыть настоящую суть социализма, скрыть отношения равноправного, касательно средств производства, общественного *контракта между работниками*¹⁸ – как противоположности реальной капиталистической совокупности неравноправных трудовых *контрактов между монополиями и неимущими*, а не вымышленному «социальному контракту» мелких хозяйчиков – и выпятить социалистическую собственность либо как ничейный котёл, из которого все черпают по своему произволу, либо как некую высшую форму деспотии, либо как смесь первого и второго.

3). Прикрываясь вот этой жалкой демагогией, буржуасты выворачивают всё таким образом, как будто частная собственность на средства производства предполагает «работу на себя», хотя это имеет место в лучшем случае применительно к 1/5 общества, а 4/5 его, если не 9/10, работают как раз гораздо в меньшей степени «на себя», чем при общественной собственности, ибо отлучены от распоряжения всякими средствами производства полностью; со всеми вытекающими отсюда последствиями для трудовой мотивации и качества труда. Какого, в самом деле, можно ожидать добросовестного выполнения этими людьми – а ведь именно они, на что указывает автор, и есть наиболее производительная часть общества – заведомо неравного, невольничьего, рабского контракта, да за которым ещё стоит репрессивный аппарат классового государства. Автор правильно указывает, далее, что рабство есть вещь, помимо прочего, чрезвычайно унижительная: чего стоят одни только все эти собеседования и испытательные сроки (стр. 697). А унижения на работе? Люди ненавидят свою работу. Несмотря на то, что (для поддержания капиталистического имиджа) говорят, что у них «всё нормально».

¹⁸ Хотя, конечно же, на каком-то этапе в этом контракте может присутствовать и ещё одна сторона – состоящая из революционных кадров и наиболее передовых и революционных работников партия и государство, но не будем здесь мусолить эту тему.

4). В условиях такой вот несправедливости и такого антагонизма понятно, что труд должен рассматриваться как в гораздо большей мере *кара*, чем при социализме, и господствует *рабское отношение к труду* (стр. 669) – и эти утверждения автора вполне тождественны оглашённом мною другими словами выводу о том, что в соцсекторе степень отчуждения меньше, хотя степень необходимости, по сути, такая же; и что не может при капитализме возникнуть внутренней потребности к труду, способной к повороту в общественное русло.

5). Автор также чётко и недвусмысленно обозначает, что при капитализме есть только два стимула – *страх и угрозы*. Но я, правда, уже говорил, что собственно соцсектор при примитивном социализме недалеко уходит от этого, и там тоже, в принципе, присутствуют определённые страхи, а место угроз занимает моральное давление.

6). Автор, далее, делает вывод, что страхи – плохие стимуляторы, с чем трудно не согласиться. И действительно, по мере усложнения труда приходится переходить от больших страхов к меньшим, а затем и вовсе от страхов отходить.

7). Автор указывает далее, что конечно, при относительно ещё низком уровне производительных сил, и обусловленной этим возможности держать на производстве необразованных и малокультурных забитков, капиталистическое рабство ещё может как-то цепляться за жизнь. По мере же трансформации пролетариата в «умный пролетариат», когда начинает отпадать необходимость не только в «добром хозяине», но даже и в профессиональных управленцах, для того чтобы поддерживать «добровольно-сознательную дисциплину труда» (стр. 670), весь этот капиталистический маразм особенно вопиёт, и отдаёт особенно дурным запахом гнили. Способ производства, наиболее присущий уровню ныне создаваемых производительных сил информационной экономики – коммунизм, и никакой другой (стр. 671).

8). Возникновение классического машинного способа повлекло высшую степень разделения физического и умственного труда, при этом огромная масса «физиков» противостоит узкому кругу «интеллектуалов» (стр. 672). По мере развития машинного способа, информатизации и автоматизации число «физиков»

уменьшается, да и само разделение на «физиков» и «интеллектуалов» сглаживается; творческая составляющая возрастает, и должен, по-видимому, начать отмирать даже сам социализм, не говоря уже о буржуазных пережитках в его рамках. Что касается капитализма, то господство этой мумии в таких условиях иначе как маразмом, ведущим человечество в могилу, назвать нельзя. Его плоды видны: взять, например, «узкий профессионализм» – фактически, общество уродцев в буквальном смысле слова (физическом и умственном). Мне вспоминается старая шутка о том, что узкий специалист – это человек, который знает всё больше и больше о всё меньшем и меньшем; и, в конце концов, он становится человеком, знающим абсолютно всё ни о чём.

9). Это преодоление противоречия между умственным и физическим трудом при развитии социализма вполне естественно, и пусть буржуасты и расисты не треплются, что умны только единицы, а остальные – от природы тупы. При капитализме именно так и получается, потому что большинство детей, вместо того чтобы раскрывать свои таланты (которыми наделены все) и даже гении (а таковыми обладают 20% людей – стр. 674), вынуждены, не закончив школу, идти в наёмное рабство – да не видев своих родителей, ублажающих мировой империализм по 12-14 часов в сутки, зачастую на чужбине; а богатенькие детки, наоборот, вместо учёбы, получают удовольствия за деньги (стр. 675). Это и подтверждает пример СССР, где через какие-нибудь 10 лет после революции произошёл подлинный расцвет науки и культуры в лапотной стране (да практически лишившейся образованной элиты – а не наоборот, как США, которые импортируют мозги со всего мира). Достаточно посмотреть биографии выдающихся деятелей советской науки и культуры, из каких семей они вышли. Впрочем, буржуасты скажут, что это же была интерпретационная культура, а научные открытия крались КГБ. Автор, далее, указывает, что развивать науку и культуру надо по всей планете, а не «у себя», как это предложат мещане – перераспределяя ресурсы в пользу бездарей. Это, в принципе, и подтверждается опытом СССР.

10). Автор, далее, другими словами передаёт тот вывод, указанный мною ранее касательно труда в нерабочее время. Он указывает, что с развитием машинного

способа производства «обогащение рабочим своей личности в свободное время *прямо влияет* на производительность его труда» (стр. 686). Опять всплывает эта антагонистическая троица: дополнительное прибавочное рабочее время; прибавочная деятельность в то, что автор называет «духовным свободным временем»; и то, что я назвал бы, по аналогии с автором, «бездуховным свободным временем». Автор утверждает, что борьба за сокращение рабочего дня есть борьба за «духовное рабочее время» в ущерб прибылям капиталистов, но в пользу объективного развития производительных сил. Но, к сожалению, борьба при капитализме может вестись в основном только за «бездуховное свободное время», ибо культура свободного времени при капитализме заброшена капиталом, и – за исключением лишь отдельных, особо продвинутых пролетариев – является архиупадочной. Этот вопрос – о замене проплатного труда «производительной внерабочей деятельностью» – на мой взгляд, в рамках капитализма *не может стоять вообще*. Но независимо друг от друга, мы с автором вновь приходим к очередному доводу в пользу того, что капитализм – вредитель производительных сил. *В особенности же*, на современном этапе их развития. Повторю – опять же, от себя – что проблему вот этой замены «бездуховного рабочего времени» на «духовное», которую нужно решать уничтожением капитализма и дальнейшей модернизацией социализма, реакция может решать в рамках капитализма, отнимая у рабочих их завоевания 8-часового дня¹⁹, и т.п. И тем самым она всё равно будет губить производительные силы, ибо – как указывалось ранее – страхи теперь ещё меньше будут помогать. Не тот способ производства. Ибо «свободное время работника принадлежит не только ему, но и обществу²⁰» (стр. 686). А капитализм

¹⁹ Как указывает автор – и в этом я с ним глубоко солидарен – 8-часовой рабочий день есть «уже слишком долгий рабочий день». И действительно, общество, на мой взгляд, давно стоит на пороге *обязательного* рабочего дня с 8:30 до 13:30 – как в советской школе, включая перерывы и полдник. Конечно, тем, для кого труд- форма отдыха, нужно предоставлять все возможности оставаться на работе хоть до утра.

²⁰ Капиталистическая экономтеория, конечно, разработала множество моделей «предпочтения между свободным и рабочим временем», так же как «предпочтения между настоящим и будущим». Но эти модели в высшей степени лицемерны, существуют только на бумаге для апологетики, для скармливания мещанам. Они, конечно же, абстрагируются (как всегда) от реальных отношений капитализма, и рассматривают общество, которое как бы по плану распределяет время между рабочим и свободным, а труд – между настоящим и будущим. Либо же эти модели рассматривают общество как несуществующую совокупность мелких хозяйчиков; либо же общество работников, одновременно владеющих равным количеством акций и земли, что есть вещь в ещё большей степени лицемерная и пошлая.

забрасывает всё общественное, превращая его во второсортное. То, что капитализм «способен *понять*, то не способен *принять*» (стр. 687). Эта проблема – на мой взгляд, масштаба, сравнимого с масштабом экологической проблемы.

12). Эти указанные процессы в свободное время – вещь чертовски *времяёмкая*. Надо, как говорил Ленин, «обогащать свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»). А богатства эти растут экспоненциально. И соответственно – в дополнение к этим мыслям автора – я повторяю свою идею, что помимо собственно увеличения свободного времени, речь явно идёт об увеличении продолжительности активной жизни человека, и замедлении воспроизводственного цикла. А капитализм радуется, что с каждым годом увеличивается продолжительность жизни в смысле продолжительности того времени, в течение которого человека (да и то небедного) можно поддерживать, как овощ, на грани между старостью и дряхлостью.

13). За счёт чего нужно это делать? Автор указывает: за счёт устранения безработицы (а это невыгодно капиталистам); устранения праздных классов. Я добавлю – и на это намекает автор – это также надо делать снижением ВВП за счёт непроизводительного труда. Причём непроизводительного труда, связанного не только со сверхпотреблением богачей – но и с той уродской специализацией, при которой производительный труд, действительно, распределён крайне неравномерно среди маленького количества людей. Это, конечно, выгодно капиталистам, так делать – выжимать прибавочную стоимость из как можно меньшего числа работников, а остальных занимать в непроизводительном секторе. Но это ведёт к перепотреблению в ущерб развитию производительных сил – и, в конечном итоге – к недопотреблению и рабству. От этого маразма надо избавляться, и это – хорошо известный факт, и пусть буржуасты не трезвонят, что «так работает современная экономика». Конечно, при этом уменьшится сектор непроизводительных услуг, в том числе и для самих перегруженных рабочих. Этот сектор не может не уменьшиться. Но в долгосрочном плане всё это будет способствовать только росту экономики. Кроме того, это будет способствовать снижению нагрузки на производительный труд в гораздо большей степени, чем будут снижаться зарплаты

на этих крупных предприятиях. В качестве ещё одного важного фактора я бы отметил замену большей части индивидуального потребления общественным – освобождением от товарного маразма и мещанского маразма индивидуального накопления абстрактных стоимостей, что резко улучшит качество жизни, её продолжительность, и т.д. – и поспособствует, в том числе, и увеличению производительности труда, и снижению его интенсивности. Не стоит забывать и о секторе паразитических, не создающих вообще никакой стоимости, некоторых видов услуг.

14). Автор указывает, что развитие средств производства неизбежно умножает те преимущества социализма и свободного труда, которые ещё вчера были такими зыбкими. О том, что развитие СМИ, а также навыков работы с информацией у самих работников, совершенствует так называемый горизонтальный контроль, уже упоминалось. Но то же самое относится и к свободному труду. Развитие информационной сферы ведёт к релятивации расстояний в плане того, что касается моральных стимулов к труду. Та же самая информация о достижениях, которая недавно могла витать только в местных источниках, теперь может стать поистине глобальной. А значит, облегчается задача превращения труда в непосредственно общественный, задача сглаживания отчуждения человека от результатов его труда.

15). Что касается кооперации труда. Развитие машинного способа производства за счёт информационной составляющей являет собой укрупнение производительных сил – и за счёт этого производство становится *ещё более коллективным*. Различные виды труда, по отношению к более крупным средствам производства, являются менее взаимозаменяемыми, и более взаимодополняющими, комплементарными. Надеюсь, я правильно понял автора, который описывает это немного другим языком – более техническим. Соответственно, должна уменьшаться роль конкуренции и повышаться роль слаженности, командной работы и *подлинно человеческого* соревнования (стр. 703). Это ещё больше противоречит волчьему принципу капитализма, культуре конкуренции, возни и подсиживания, и губит производительность труда (стр. 700). Опять-таки мы видим, что капитализм, с

развитием информационного производства, становится ещё большим преступником и вредителем.

В заключение – ещё несколько оговорок. Я считаю, что конечно, общество должно отказываться от значительной части потребления непроизводительного рабского, рутинного труда, навязанного мещанским потребительским мировоззрением; и переводить эти ресурсы в сторону производительного труда и научно-технического творчества, которые позволят нарастить производительные силы, и тем самым поспособствуют и росту потребления, и дальнейшему увеличению процента творческого труда. Обществу всё равно придётся, рано или поздно, пройти через этот процесс.

Но я не думаю, что весь труд может стать творческим. Такого не может быть. Невозможно всё переложить на машины. Да и разделение на «рутинный-нерутинный» является крайне условным. Что нерутинно сегодня, то будет рутинно завтра. Ещё вчера любое программирование считалось исключительно творческим занятием, а попробуйте сказать это сегодня какому-нибудь опытному программисту.

Но я абсолютно уверен в том, что *любой* труд может быть свободным. И труд по очистке фекалий, и труд, сопряжённый с болью или с кровью, и даже с угрозой для жизни может быть свободным. Это абсолютно не сводится только к разделению на рутинные и творческие профессии. Существует миллион причин, по которым человек может быть заинтересован в том или ином виде труда, кроме как посредством мелькающей перед его носом морковки. Это вопрос социального подхода к научной организации труда. И свободный труд может и обязан потеснить проплатный труд, и потеснить его настолько, чтобы лечь в основу всей экономики. Я абсолютно убеждён в этом.

В. Тушканчиков